

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Кирилл ДОВЫДОВСКИЙ

КАЯТАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Кирилл Довыдовский

Каятан

Серия «Каятан», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162754
Каятан: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2007
ISBN 978-5-93556-985-3

Аннотация

Совсем еще недавно Кай мечтал о приключениях, дальних странах, о чем-то неведомом и новом. Но события развиваются стремительнее, чем он мог себе представить. Действительность оказывается не только во много крат интереснее, но и непредсказуемей: кочевники, шаманы-горцы, тролли, драконы, маги, невиданные Твари – далеко не все, кто встретится на пути у только начавшего свой путь героя. Настоящими же его врагами станут маги высоких рангов, в том числе сам Хасат Огненный – первое лицо в государстве после (или прежде?) короля.

Но что бы Кай стал делать один со своими проблемами? Конечно, рядом – плечо друга, рядом и девушка, хоть и нельзя ее назвать обычной. А еще есть что-то непонятное даже ему самому внутри него...

Содержание

Летоисчисление государства Термилион со дня основания и до нынешних дней, составленное королем Термилиона Ролианом I, дополненное, поправленное и дополняемое с дозволения Его Величества Ролиана III Светлого графом Анри Але	4
Пролог	7
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	37
Глава 3	55
Глава 4	73
Глава 5	94
Глава 6	108
Глава 7	132
Глава 8	143
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Кирилл Довыдовский

Каятан

**Летоисчисление государства
Термилион со дня основания и
до нынешних дней, составленное
кор о лем Термилиона Ролианом
I, дополненное, поправленное
и дополняемое с дозволения
Его Величес т ва Ролиана III
Светлого графом Анри Але**

0 год – Объединение Эколии, Свободных Земель Правобережья и Союза гарутов. Образование королевства Термилион. Восшествие на престол Седрика Термилиона I Верного.

1 год – Смерть Седрика I. Восшествие на престол Седрика II Красивого.

2 год – Смерть Седрика II. Восшествие на престол Седрика III Милосердного. «Первый» бунт. Смерть Седрика III.

Узурпация власти династией Терриган. Восшествие на престол Ульриха I.

104–207 гг. – Столетний голод.

138 год – Отделение Юго-Западных гарутов.

213 год – Нашествие пиратов Рифовых Скал.

277–301 гг. – Первая война Правого Берега.

310–328 гг. – Вторая война Правого Берега.

349–383 гг. – Третья война Правого Берега.

402 год – Образование Туалона.

487–489 гг. – Чумной бунт.

618 год – Конвенция «О роспуске вольных» Антуана Дикого.

732 год – Туалон – столица Термилиона.

733 год – Учреждение Ордена инаров и магов.

812, 814, 821 гг. – Войны с Данхарой и Трихрой.

825–835 гг. – Четвертая война Правого Берега.

835–990 гг. – Правление Серва Свирепого.

855–860 гг. – Большая война Баронств.

871–872 гг. – Война с Данхарой и Трихрой.

900 год – Эдикт «О правлении».

965–990 гг. – Война Термилиона и Аана.

990 год – Восшествие на престол Седрика IV Освободителя. Отмена Эдикта «О правлении». Возвращение святого права правления династии Термилион.

990–1020 гг. – Правление Седрика IV Освободителя.

1020–1023 гг. – Правление Ролиана I Умного..

1023–1037 гг. – Правление Ролиана II Высокого.

1030 г. – Указ «О самоуправлении Ордена».

1035–1039 гг. – «Всесторонняя ревизия».

1037–1102 гг. – Правление Ролиана III Светлого.

1039–1047 гг. – «Святая война» с Каранутом.

1050 г. – Открытие Университета Высоких Наук в Туалоне.

1066 г. – Война с Данхарой.

1080–1083 гг. – Эколийское восстание и его подавление.

1092–1093 гг. – «Пограничная» война с Кастором.

1102 г. – Восшествие на престол Ролиана IV.

1102 г. – «Большой пожар» в Карсуэ.

1103 г. – Постановление об обязательной проверке на магический потенциал.

1113 г. – Закон «О наследовании».

Пролог

1098 г. Термилион. Колок.

29 день 5-го месяца.

Ночь. Холодно

Неприятно щекотал холодный ветер. Хлюпала грязь под ногами. Плащ был широк и подбит мехом, но почти не защищал от морозных прикосновений разыгравшейся стихии, да и воду, как оказалось, все-таки пропускал. Несмотря на все клятвенные заверения продавца. Не удивительно... Ирвин подумал, что, возможно, лошадь все же следовало взять. Да, его многострадальная поясница не могла выдержать долгой скачки, но ведь и холод был ей противопоказан... Он вздохнул: теперь неделя, а то и не одна, жуткого радикулита была обеспечена. Стараясь не усугублять, Ирвин прибавил шагу.

Он был в этих местах слишком давно, чтобы в темноте, нарушаемой только вспышками молний, суметь точно опре-

делить, сколько еще осталось топать до Колока. Судя по времени, которое он провел в пути, город был уже близко.

В голову лезли мысли... Скорее даже одна мысль: зачем? Зачем он решил вернуться? За годы службы он успел скопить достаточно, чтобы остаться в столице и спокойно жить в Среднем городе, не зная никаких бед. Или начальником одного из отделений стражи устроиться, чтобы не слишком скучно было... Он все же решил вернуться.

Покидая отчий дом почти восемьдесят лет назад – тогда ему было двадцать пять, – Ирвин был уверен, что не вернется. Став поначалу простым легионером, потом сделался сержантом, начальником охраны легионного генерала, а после трижды проклятой данхарской стрелы в спину – и его личным секретарем. Конечно, эта работа была не в пример прежней: научиться пришлось очень многому, но генерала Ирвин уважал безмерно и согласился сразу. Было еще много всего, и ни о чем он не жалел.

Незачем и не к кому было возвращаться, но он все-таки делал это. Чтобы умереть? Возможно. Мысль о смерти давно не пугала его. Еще бы, столько лет прошло.

Дождь настраивался лить всю ночь, и показавшиеся впереди огни – не светящихся шаров, конечно, а простых масляных фонарей – Ирвин встретил с облегчением. Отсутствие ворот на створках, как и любых признаков стражи, также не удивило. Последним, решающим рывком он преодолел оставшуюся до Колока сотню метров и среди скудно освещен-

ценных зданий быстро вычислил нужное.

Внутри было тепло. Только этого хватило бы для счастья, а его еще ждал ужин. Усевшись поближе к камину и сняв плащ, Ирвин дожидался заказанной горячей похлебки. Было очень поздно, и в зале кроме него был только трактирщик, которому и так никуда не надо идти, да еще пара каких-то забулдыг, – те идти уже не могли.

– Ночевать будете? – спросил трактирщик, опуская на стол поднос.

– Да. Комнату. На одну ночь.

Ирвин взялся за ложку. Было тихо и вкусно. Наслаждаться такими моментами он научился, только когда постарел. Время потекло медленно.

Похлебка уже подходила к концу, когда в трактире появился еще один запоздалый посетитель. Среднего роста фигура была с ног до головы запрятана в необъятный плащ. Застыв на мгновение у порога, он пересек зал и спиной к стене уселся за дальний столик. Трактирщик обменялся с неизвестным несколькими фразами, ушел и через минуту вернулся с подносом, на котором стояло несколько мисок. Дождавшись, когда трактирщик вернется за стойку, незнакомец зашевелился. Чуть качнув головой из стороны в сторону и, как показалось, глянув в сторону двери, он отбросил капюшон назад.

Незнакомец оказался незнакомкой. И скорее девушкой, чем женщиной. Густые черные волосы упали на лицо, не поз-

волив рассмотреть его в подробностях, но Ирвину показалось, что она, должно быть, красива. За всю жизнь он так и не решился жениться, но в женской красоте толк, безусловно, знал. Хотя... знать-то, может быть, и знал, но сейчас уже не очень-то помнил, как это знание применяется. Последняя мысль вызвала у Ирвина искреннюю усмешку. Отодвинув пустую посудину, он принялся за мясо.

В этот момент дверь открылась снова. Вошли, на сей раз, трое. Наверное, и в середине дня забегаловка не знала такого ажиотажа.

Троица сразу же откинула промокшие капюшоны. Ирвин поморщился себе в тарелку. От людей с такими лицами ничего хорошего ждать не приходилось. Суровые, обветренные, внимательные. Такие внимательные, что можно было не сомневаться: зашли они не случайно.

Не поднимая головы, Ирвин стал наблюдать. Враги у него, конечно, были, но в последние годы как-то сами собой сошли на нет. Не стал бы за ним никто охотиться. А на простых искателей «легких» денег они не похожи: эти бы «подошли» на улице.

Не предполагая агрессии со стороны незнакомцев, Ирвин все-таки внутренне напрягся.

Стоявший в центре мужчина что-то коротко сказал двум остальным, и спустя секунду оба двинулись вперед. Каждый сделал по шагу, – правая рука ближнего к Ирвину мужчины спряталась в плаще, – второй шаг... и в следующее мгно-

вание незнакомец взорвался красным фонтаном. Голова и верхняя часть груди кровавым мусором разлетелись по залу. Нелепо дернулись держащиеся на тонких кусках плоти руки, тело стало заваливаться назад... И тут – снова: второму оторвало ногу и часть живота.

Повинуясь скорее инстинктам, нежели впавшему в короткое оцепенение разуму, Ирвин выхватил кинжал и резко упал за стол. На время, он потерял возможность наблюдать за происходящим, но на слухе это не отразилось. Что-то с силой рассекло воздух: послышался грохот ломающегося дерева, прервавшийся еще одним взрывом, а сразу за ним – женский вскрик. Стараясь придавить в себе возникшее вдруг чувство боевого возбуждения – подзабытое уже, но хорошо знакомое, – Ирвин аккуратно, прижимаясь к полу, выглянул из-за своего укрытия.

Третий, единственный оставшийся в живых, теперь стоял в центре зала и выглядел не так уверенно, как всего несколько мгновений назад. Лицо покрылось потом, все тело тряслось, с вытянутой вперед руки капали частые красные капли. Маг – безошибочно определил Ирвин.

Он сдвинулся еще немного в сторону, и ему наконец стало понятно – кто был целью охоты. У дальней стены, облокотившись на нее спиной, на полу лежала девушка. Ирвин представил, какую боль она могла испытывать. Тонкое тело казалось изломанным. И, как догадался Ирвин, главная боль была не физической, а душевной. Она ужасно боялась.

В больших черных глазах стояла обреченность. Из последних сил попытавшись как-то изменить свою участь, она болезненным усилием выбросила вперед руку, что-то шепнув при этом – тоже колдунья! – но никакого эффекта это не возымело. Она опять вскрикнула, и легкая кисть бессильно опала на пол. Одежды всколыхнулись, и Ирвину стало ясно: она беременна. Живот был, наверное, в половину ее самой – до родов, скорей всего, совсем немного...

Ирвин принял решение. Благо что, уходя на пенсию, старые солдаты теряют последние остатки страха. Поднявшись на ноги, он сделал несколько аккуратных шагов, но скоро увидел, что красться не обязательно. Колдун был слишком сосредоточен на своей жертве, и, судя по тому, как его трясло, ему все еще оказывали сопротивление. Еще один шаг, – и одним точным выверенным движением лезвие вошло ему глубоко под левую лопатку. Колдун даже не обернулся. Застыл на мгновение – и, как стоял, вперед лицом упал на пол.

Застыв на минуту, никакой реакции Ирвин от трупа не дождался. И только тогда уверился, что колдун мертв, хотя выдернуть кинжал все же не решился.

В трактире царила полная разруха. Повсюду валялись обломки дерева... и человеческих тел. Двум пьянчужкам, которые спали в полудюжине метров от Ирвина, повезло гораздо меньше, чем ему. Трактирщика не было видно вовсе. Слышались какие-то звуки из внутренних помещений, однако ждать оттуда кого-либо было бессмысленно. Потолок в

той части зал частично обрушился, и дверь оказалась заблокирована. В помещении оставались только Ирвин и девушка, которая, судя по всему, находилась на последнем издыхании.

Обойдя тело колдуна стороной, Ирвин подошел к ней. Она едва дышала, глаза были закрыты, руки гладили живот.

– Помогите мне... – Ирвин вздрогнул. Голосок был совсем слабым, но она обращалась к нему.

– Сейчас, – он опустился рядом с ней на колени. Оглядев девушку, скорее даже девочку – хоть с магами и нельзя быть уверенным точно, но вряд ли ей было больше шестнадцати, – Ирвин понял, что ничем ей помочь не сможет. Она была ранена еще до того, как появилась в трактире. Плечо и большую часть руки перетягивала просвечивающая красным повязка. Было удивительно, что она сумела самостоятельно добраться до трактира, откуда бы она не пришла.

– Где больше всего болит? – определить на глаз не получилось.

– Неважно... мне уже не помочь. Мой сын... У меня схватки... помогите...

– Хорошо.

Ирвин не раз в своей жизни видел раненых, и безнадежных тоже. В такой ситуации главным было – сразу отделить первых от вторых, не вмешивая эмоций. Девушка умирала, а вот ребенок мог выжить.

– У вас кровотечение, с ребенком может быть не все в порядке...

– Нет... – она открыла глаза, они были большими и черными, – я уверена. Он сильный...

Ирвин кивнул. Что нужно делать, он знал.

...– Дайте его мне, – произнесла она спустя полчаса. За все это время она даже ни разу не вскрикнула.

Ирвин видел роды не раз, и подобная выдержка юной роженицы впечатляла, но не могла помочь девушке выжить.

Ирвин осторожно положил ребенка матери на грудь. Насчет него она не ошиблась. Он совсем не был похож на тех младенцев, которых Ирвин видел раньше, но безусловно был очень здоров. Голову покрывали маленькие черные волосики, он был большим мальчиком и необычайно тяжелым, но самое удивительное – совсем не плакал. Едва услышав слабый голос матери, тут же протянул к ней ручки.

Она держала его не больше минуты и в этот момент, казалось, совсем не чувствовала боли. На щеке у нее появилась одинокая слеза.

– Кай... его имя Каятан, – произнесла она, – возьмите его... – Ирвин не стал спорить, это было бы нечестно по отношению к ее мужеству: он успел его оценить.

Ирвин взял ребенка на руки. Только сейчас младенец заплакал. Вновь почувствовалось, насколько он тяжел для своих размеров.

– И это тоже, – она сняла с шеи медальон – тонкий серый шнурок с кусочком почерневшего дерева на нем. Узор был неразборчив – неаккуратная закрученная внутрь спи-

раль. Она протянула его Ирвину: – Отдадите это ему и... пожалуйста, позаботьтесь о нем. Научите его всему... Всему, чему сможете...

– Я сделаю все, что в моих силах, и... он бы захотел узнать ваше имя...

– Нет, ничего не говорите про меня, он просто крестьянский сын...

– Я понял.

– Идите, уходите из города...

Ирвин сделал шаг назад, пока не в силах отвернуться от нее, – и вот тут он удивился по-настоящему: ребенок открыл глаза – через минуту после рождения. И не просто открыл, а вполне осмысленным взглядом смотрел на нее...

– Идите... – повторила она. Впервые, ее голос дрогнул.

Укутав мальчика поглубже в свой плащ, Ирвин выбежал под дождь. Не отягощая себя сомнениями, лошадь взял в конюшне этого же трактира и пустил ее вскачь. Спустя минуту небо осветил яркий оранжевый отблеск. На молнию это было не похоже...

Ирвин все-таки бросил прощальный взгляд через плечо: трактир, который они покинули всего минуту назад, полыхал яростным пламенем не менее десятка метров высотой. Ирвин ударил пятками, заставляя лошадь скакать быстрее. На душе стало легче – у него появилось дело на ближайшие несколько лет. Что еще может быть нужно старому солдату?

Опустив взгляд, он убедился: ребенок спал.

Часть первая

Пробуждение

Глава 1

1114 г. Термилион. Лес у подножья Чайных гор.

29 день 4-го месяца.

Несколько часов по полудни.

– Черт! Черт возьми, чтоб вы все провалились! – Я снова налетел на какую-то корягу. – Чтоб вам всем пусто было по несколько раз!

Тело нещадно ныло. Кожа, а точнее, ее остатки сводили с ума свирепым зудом. Правый глаз отказывался открываться, а ноги больше походили на пару кусков освежеванного мяса, чем на средства передвижения.

Я попытался подняться, и боль напомнила о себе с новой силой. В конце концов, опершись рукой о дерево, я сумел встать. Страшно хотелось отдохнуть, но все еще свежие воспоминания гнали меня вперед. Страх и давившее на сердце смертным холодом чувство опасности не желали отпустить...

Однако я твердо решил сначала, как следует отдышаться. Счастье, что шумевший вокруг лес действовал успокаивающе...

Заставив себя не спешить, я побрел дальше. Как только кипящая в жилах кровь прекратила давить на уши, я услышал реку. Я должен был добраться до нее уже давно, да, видимо, отклонился левее... Наконец-то, я вышел к воде.

Резво убегая вниз, речка терялась где-то среди деревьев. Сейчас, ее ширина не превышала трех метров. Как и всегда весной русло было заметно размыто, но все же удалось найти удобный спуск. Все время оскальзываясь на покрытой листовой земле, медленно, я стал спускаться к воде... и все-таки вляпался в грязь всем, чем только мог. Тяжело, со второй попытки, поднялся и, наконец, смог напиться вволю. Вода в горной речке обжигала холодом, но именно это мне сейчас было нужно. Выпрямившись, я увидел свое отражение.

Еще вчера не слишком красивый, но и не страшный – мало кто бывает полностью доволен своей внешностью – шестнадцатилетний парень напоминал неряшливо ошипанную курицу, если не сказать – петуха... Грязный, как черт.

С синяком размером в полтела. И кожей, гноящейся и кровоточащей от макушки до пяток. Только волосы почему-то казались не пострадавшими. Все такие же черные, как будто после тщательной обработки печной сажей.

Но нельзя не признать, что часа четыре назад все было значительно хуже. Сейчас шрамы уже начали твердеть и рубцеваться, хоть поначалу и казались вообще невылечиваемыми. Впрочем, на мне всегда все быстро затягивалось... Я посмотрел себе на ноги. Если честно, – то, что я мог передвигаться с помощью этого в течение четырех часов подряд, выглядело малореальным... Ниже колен живого места было меньше всего.

Хорошо хоть, что какую-то одежду удалось найти, да еще кинжал. Правда, последний больше походил на повидавший виды кухонный нож, а не на оружие, но лучше уж это, чем ничего...

Неожиданно, слышались чьи-то шаги. Слишком частые и слишком легкие для человека: если б не повторяющийся ритм, я не заметил бы их среди общего шума. Первым желанием было броситься бежать, но этот порыв быстро улетучился. Чтобы бежать, нужны силы...

Он появился метрах в пятнадцати ниже по течению. Два острых уха, полная кривых белых сабель пасть, серая морда с черным пятном посередине и пара светящихся желтых глаз. Должно быть, в нем было не меньше ста пятидесяти килограммов веса. Большой старый волк.

Неторопливо, пока не замечая меня, он спустился к реке, начал лакать прозрачную воду. Быстрое течение несло к звериному носу смытые мною грязь и кровь. Волк поднял голову... Он, конечно, не был разумен, но что-то такое было в этом взгляде. Почти человеческая ненависть.

Я окончательно уверовал, что день сегодня особенно неудачный.

Тут, волк медленно двинулся в мою сторону. Это немного помогло мне. Я тут же начал соображать.

Метнув взгляд в сторону леса, я понял, что залезть на дерево не получится. Ближайшие деревья были или слишком тонкими, чтобы выдержать вес моего тела, или достаточно большими, но без единой ветки ниже трех-четырех метров над землей. Не на шутку приуныв, я вытащил из-за пояса припасенный нож. Теперь он показался мне еще незначительнее, чем прежде. Перехватив «оружие» поудобнее, я стал переступать чуть левее, в сторону ближайшего ко мне крупного дерева: хотелось иметь между собой и волком хоть какую-нибудь преграду. Затея удалась наполовину. До дерева я все же успел дойти, и теперь волк мог напасть на меня только справа, но преграды между нами так и не появилось.

Не добежав до меня полутора метров, зверь остановился. «Зря», – подумалось мне. Если бы он налетел со всего маху, у него бы еще был шанс напороться на нож, который хоть и мал, но достаточно острый...

Пауза оказалась короткой. Он замер на несколько мгно-

вений, – сердце успело опуститься в область лодыжек, – и прыгнул вперед. Скорее от отчаяния, нежели действительно на что-то надеясь, я отскочил вправо... Пасть сомкнулась чуть ниже моего колена... и сразу отпустила. Зубы не достали до кости, и я лишился только части икры. Больно было ужасно. Мысль, что нога и так была потрепанной, утешала не слишком...

Пользуясь тем, что волк на какой-то миг повернулся ко мне боком, я сделал самое резкое движение, на какое был способен. К сожалению, хищник оказался быстрее. Нож был на расстоянии ладони от серого бока, но как этот бок сумел обернуться волчьей пастью, я не успел заметить. Оружие выпало из руки. Теперь у нас обоих было только то, что мы получили от родителей...

Тяжелая серая молния сбила меня с ног, и широкая до неприличия пасть сразу потянулась к горлу. Я подставил локоть – лицо тут же залило густой темно-красной жидкостью. В последней, уже безнадежной, попытке, левой рукой я потянулся к волчьей морде, надеясь добраться до глаз... Ладонь уперлась в жесткую шею.

Кровь заливала лицо, я быстро слабел. Сознание тонуло в красном тумане. Уже в забытии я почувствовал нестерпимый жар, прокатившийся по всему телу, и отключился.

...Мучительно и неотвратимо я вновь становился частью этого мира. После длительной пробежки по лесу ужасно ны-

ли мышцы по всему телу, все еще нестерпимо чесалась кожа, что-то сильно сдавливало лодыжку левой ноги.

Я с трудом разлепил глаза. Настали сумерки. Теплый летний ветерок устало теребил верхушки деревьев, здоровенный комар беззастенчиво упивался моей кровью, обгоревшая волчья туша лежала рядом... Если бы не боль в ноге, можно сказать, что чувствовал я себя не так уж и плохо... Но она все-таки болела. Собрав силы в кулак, я оттолкнул волка в сторону.

Немного приподнявшись на локтях, я облокотился спиной о ближайшее дерево. Оглядев свое тело, я убедился, что заживление ран проходит с необычной, даже слегка пугающей скоростью. Они не зажили полностью, но уже совсем зарубцевались, и кожа почти не болела, только нещадно чесалась. О волчьих укусах напоминали мелкие рваные цепочки бледных шрамов на локте и икре. Хотя последней полагалось быть, как минимум, наполовину откушенной...

Есть хотелось страшно.

То, что осталось от волка, лежало в полутора метрах от меня. Большой кусок обгоревшего мяса с очень четким черным отпечатком человеческой пятерни в области шеи.

С одной стороны, я, конечно, был рад, что не стал чьим-то обедом или ужином, но с другой... Я вспомнил жар, пронзивший все тело перед тем, как я потерял сознание. Выходит, это я его поджарил... Мысль была немного диковатой. Я всегда был сильнее своих сверстников, да и реакция непло-

хая, но чтобы вот так запросто кого-нибудь испепелить... Я ведь не маг, хотя было бы неплохо. Но не проявлял я никогда подобных способностей, хоть и рановато вроде – в шестнадцать-то лет... Вот бы Ирвин удивился...

Я старательно поморщился. Этот день был неудачным не только для меня...

Проснулся я, как и всегда, рано. Точнее, очень рано для себя. Мне всегда почему-то казалось, что вставать с восходом солнца – в шесть, а то и в пять часов утра – это не просто странно, это чересчур, но, тем не менее, каждый день вставал вместе со всеми. Возмущало меня подобное положение дел не потому, что я был такой уж соня или лентяй, тут все скорей наоборот, а потому что просто не было здесь ничего такого, чего нельзя было сделать днем или вечером. Я еще мог понять тех жителей деревни, кому нужно было ухаживать за чайными деревьями – хотя что можно там делать целый день? – но дяде Ирвину-то почему не спалось? Он, конечно, родился в Чайной – название хоть и логичное, но дурацкое, – зато ведь всю жизнь провел далеко отсюда, и на него эта любовь к ранним подъемам распространяться не должна бы... Но нет, Ирвин просыпался в пять утра и заставлял вставать меня. Вот и получалось день изо дня: поднимаясь на ноги в пять, просыпался я в лучшем случае часов в восемь-девять, а ложась вечером в постель, до половины ночи не мог уснуть. Просто физически не получалось.

Зато, протекая в легком тумане, ранние часы казались не такими уж обременительными. Ирвин очень любил поручить мне что-нибудь такое... не слишком обременительное для мозга.

Сам он мне не помогал, я думаю, исключительно из принципа. Он, конечно, был уже стар, но тренировать меня это ему не мешало. Впрочем, на что, на что, а на тренировки я никогда не жаловался. Они совсем не были скучными.

Но больше занятий фехтованием мне нравились другие уроки, открывающие для меня неизвестный, иной мир. Разительно отличающийся от, казалось, остановившейся жизни нашей деревни.

Ирвин рассказывал только о том, что видел сам, но и этого было немало. Моря: Зеленое, Серединное и даже Беспокойное, по которому дядя, конечно, не ходил, но видел собственными глазами, горы: недоступные Игские и изрезанные киркой и зубилом Тратские, степь Данхары и Трихры, а также Тавлия, Каранут, Кастор и Кимская империя, – и все это лишь по правую сторону Серединного. А ведь была еще и западная сторона, и целый ворох легенд, преданий, пророчеств... еще более захватывающих и манящих.

Правда, Ирвин учил меня и менее интересным вещам: счет, письмо, аанский язык... Это было у него какой-то навязчивой идеей – постоянно учить меня чему-то.

– Пригодится еще, не вечно же тебе тут сидеть, – говорил он. – А аан – вообще, язык вероятного противника, так что

скажи-ка мне еще...

Его уверенность в том, что деревню мне придется покинуть, причем скорее рано, чем поздно, тоже была не слишком понятна. Я хоть и был не из этой деревни, но все равно — из крестьянской семьи, и меня не могло ждать ничего, кроме ста десяти — ста двадцати лет скучной и одинаковой деревенской жизни... Но Ирвин тоже родился в деревне, а ведь он сумел добиться многого. Многого? Мне и самому не терпелось испытать что-нибудь невероятное, но не ясно пока, что именно...

— Где ты опять витаешь? — голос Ирвина был полон недовольства. — Мне десять раз повторять вопрос?

— Э-э, я задумался... А королей в Термилионе было тридцать шесть штук. Тридцать семь, если считать два года, когда правили близнецы Тэриан и Франко.

Ирвин был солдатом далеко не всю жизнь и за пару десятков лет в должности секретаря успел впитать себя массу информации, хоть она и была во многом отрывистой. Например, он мог мне пересказать имена и даты правления всех королей нашей с ним общей родины, но не способен был ни слова добавить о том, кто из них и чем прославился. Чему я радовался втайне: слушать рассказы о дальних странах было намного интересней, чем запоминать безликие даты.

— «Штук»... — повторил за мной Ирвин. — Знаешь, будь я сейчас на действительной службе, получил бы ты десяток плетей за непочтительность к Короне, притом абсолютно за-

служенно.

Что верно, то верно. Заставить себя испытывать пусть самую малую толику уважения, не говоря уже о преданности, к правящей фамилии – я не мог. Очень уж далеко находилась маленькая Чайная от величественного Туалона.

– Ладно, – после небольшой паузы произнес он, – иди... гуляй.

Уговаривать меня не надо. Выйдя наружу, я по привычке залюбовался на открывающийся отсюда вид. Наш дом стоял на самом краю деревни и был той точкой, что отделяла небольшое расчищенное плато, где располагалась сама деревня, от широкого изумрудного ковра, медленно стекающего вниз. Дорога была не больше пяти метров в ширину и через двадцать-тридцать метров полностью утопала в зеленой гуще деревьев. И меня снова посетило завораживающее и, как и тысячу раз до этого, непонятное чувство непередаваемой близости к Миру. Казалось, что еще секунда, и я смогу любым уголком самого себя слиться с каждым его краешком... Наваждение исчезло. Э-э... слишком я впечатлителен. Зато, так веселее.

Я пошел в обратную сторону. Наверное, опять будем с парнями в «легионеров и кочевников» играть или во что-нибудь еще, не сильно отличающееся. Последнее время все стало жутко надоедать. Не то чтобы я стыдился своих друзей, но... это было не так легко объяснить. Некоторые из них были лучше – правильнее и честнее, другие хуже, но все они

от жизни хотели немногого и очень походили на своих родителей.

Увидав кого-то из наших, я хотел приветственно махнуть рукой, но вдруг мое внимание привлекло совершенно другое. В чистом, без единого облачка, весеннем небе возникла неясная темная точка в нескольких сотнях метров над землей – она была еще очень далеко, но с каждой секундой увеличивалась. Любая известная мне птица имела размеры меньшие даже не в десятки, а в сотни раз. Что это? Э-э... что-то очень большое, и оно двигалось в сторону деревни. Правда, высота была слишком велика... Я замер.

То, что раньше, с некоторыми оговорками, можно было принять за огромную, хотя и нереальную птицу, оказалось не чем иным, как колоссальным абсолютно черным... драконом. Конечно, это могло быть чем-то другим, но уверился, что это именно дракон. Ведь каждый знает, как они выглядят. Точнее, каждый их себе как-нибудь представляет. Думаю, многие представляли себе драконов как раз так.

Насколько я мог определить с такого расстояния, размах крыльев «птички» составлял не меньше двадцати метров. В мощных когтистых лапах эта махина каким-то чудом удерживала большую клетку, состоящую из темных прутьев. Выглядела клетка тяжелее самого дракона, причем, как мне показалось, в ней не было ни входа, ни выхода.

Внутри же находилось Нечто. Багрово-красная, истекающая чем-то отдаленно напоминающим кровь, мышечная

масса общим весом, должно быть, не менее трех-четырех тонн вызывала ужас и приступ тошноты даже с такого внушительного расстояния. Которое, кстати, благодаря мощным и частым взмахам гигантских крыльев очень быстро сокращалось.

Присмотревшись, я заметил и третьего участника действия. В основании шеи дракона, держа в руках длинные вожжи, восседал... мужчина, закутанный в длинный черный плащ, скрывающий фигуру, но открывавший лицо. Даже отсюда были видны или, возможно, просто ощущались глаза, источающие крошечный мрак... Накх. Или «черный», как о таких иногда говорили, а точнее, очень редко и тихо шептались, каждый раз до потери памяти боясь. Боясь хоть какого-то внимания со стороны таинственных обитателей Черной Земли. Разумеется, никогда прежде я ничего подобного не видел, но ошибиться было нельзя: это был именно наkh.

О «черных» Ирвин, а значит, и я — знали только три вещи: то, что они существуют, то, что они живут на самом восточном краю материка, на Драконьем полуострове, и то, что, как только появляется намек на присутствие одного из них, нужно бежать как можно быстрее и как можно дальше. А если верить хотя бы половине слухов, ходивших о них, то при встрече с наkhами лучше сразу, не откладывая в долгий ящик, умирать на месте. Я, надо сказать, во все эти рассказы верил слабо... зато всегда полностью доверял своим глазам.

Послышались крики. Сначала просто удивленные, а вскоре и откровенно панические. Народу на улице становилось то больше, то меньше. Кто-то в ужасе скрывался под крышами домов, кто-то, наоборот, выбегал наружу, привлеченный шумом. И вторых было больше. Народ явно не осознавал надвигающейся опасности. Впрочем, в нашей деревне нахму действительно нечего было делать...

Я опять задрал голову вверх. Там стали происходить какие-то изменения. Когда дракону оставалось до деревни полета всего на несколько взмахов перепончатых крыльев, тяжелая клетка, висятая на длинной цепи, стала раскачиваться.

Демон – а как еще можно было ЭТО назвать? – пришел в себя и, немного подтянув клетку за цепь четыремя уродливыми, но сильными лапами, широко раззявив пасть с несколькими рядами острых кривых клыков, начал эту самую цепь перегрызать.

Наездник, кажется, занервничал и, собрав вожжи в одной руке, стал свободной рукой производить какие-то непонятные для меня манипуляции.

Дракон был уже над самой серединой деревни, когда вдруг раздался душераздирающий вой, наверняка ставший причиной не одного обморока, и тут... клетка оборвалась.

Несколько секунд почти идеальной тишины, и металл с диким грохотом врезается в твердую землю. Ощутимо тряхнуло, – я, потеряв равновесие, упал на спину. Распухающим

столбом взвилась пыль. Крики сменились едва слышимым стоном. Оглушительно ревел снижающийся по кругу дракон, в точности выражая настроение наездника.

Пыль чуть рассеялась. Клетка, абсолютно не поврежденная, лежала в полметровом углублении. Несколько бесконечных, мучительных секунд я вглядывался в, как мне казалось, бесчувственное тело демона, но вдруг один, а затем и второй глаз, полный бесконечной, неутомимой ненависти, открылись.

Демон с трудом, сильно пошатываясь, поднялся в клетке, упираясь рогатой головой в верхние прутья, которые сейчас можно было назвать потолком. Схватив мощными лапщами один из железных прутьев, он принялся перегрызать его. Так же, как и немногим раньше расправлялся с клеткой. Непереносимым скрежетом заложило уши, я сдавил их руками – не помогло.

Дракон приземлился в двадцати метрах перед клеткой и тут же: дыхнул мощной струей кроваво-красного пламени в сторону демона. Пламя охватило клетку и не отпускало из жарких объятий в течение дюжины ударов сердца. Огонь отступил и... ничего. Казалось, демон его даже не заметил, продолжая перегрызать с трудом, но все же поддающийся металл.

В этот момент я понял, что нахожусь не далее, как в семи-восьми метрах от длинного, обильно утыканного шипами драконьего хвоста. Это мгновенно вывело из ступора.

Вскочив, я побежал в сторону своего дома. Вряд ли деревянные стены смогли бы защитить меня. И тем важнее было добраться до Ирвина, а уже потом – подумать об отступлении.

Не добежав нескольких метров, я обернулся... невольно, взгляд задержался дольше, чем я хотел.

Основательно разворотив клетку, демон неуклюже стоял рядом с ней, опираясь на все шесть лап и сильно раскученный хвост. Накх слез с дракона и теперь стоял напротив своего врага. Он был абсолютно неподвижен и, кажется, готовился к чему-то.

Резко, демон вытянулся на четырех задних конечностях, раскинул в стороны «руки», задрал кверху голову, в глазах блеснуло пламя, а из широко раскрытой пасти вырвался желтый искрящийся сгусток огня. Накх не дрогнул. Заклятое пламя было всего в паре метров от «черного», как он наотмашь хлестнул прямой ладонью. Огонь не исчез, но резко изменил траекторию.

Я оцепенел, когда увидел: огненный шар направляется в мою сторону. Он, наверное, так бы и врезался в меня, но в последний момент, пятясь назад, я обо что-то запнулся и упал на спину. Шар протрещал над головой и через мгновение врезался в дом. Оглушительный грохнуло, и от дома не осталось даже воспоминаний. Мелькнула мысль об Ирвине... Тогда меня ударило взрывной волной. В тот момент я уже старался приподняться на руках – несколько раз меня

перевернуло в воздухе, с полдюжины метров протащило по земле.

Наконец остановившись, я почувствовал, что почти не могу шевелиться: страшно болели ребра. Оглядевшись, я, к своему ужасу, осознал, что нахожусь точно посередине между драконом и «черным» с одной стороны – и демоном с другой. Попробовав хотя бы немного приподняться, я понял, что даже это мне сейчас не под силу.

Накх стоял, чуть согнув спину, с крепко сжатой в кулак левой рукой и поднятой над головой правой, как будто державшей что-то невидимое. Воздух начал сгущаться. Предметы за пределами пространства, в котором находились маг, демон, дракон, теперь отползший немного в сторону от хозяина, и я – потускнели и как-то отошли на задний план.

Между руками «черного», фигура которого выделилась особенно четко, появилась тонкая струйка темной субстанции. Напоминая дым лишь отдаленно, она с каждой секундой становилась плотнее. Демон же, напротив, весь сжался и совершенно не шевелился, от него только исходило мягкое, почти незаметное красноватое свечение.

Я снова попытался отползти в сторону: по-прежнему, тело не слушалось.

Левая рука накха была полностью скрыта в облачке черного тумана. От него тянулась темная лента к правой руке, где уже проступали очертания огромного, длиной в несколько метров призрачного клинка.

Обильно насыщенный энергией воздух с силой вдавливал меня в землю. Только я подумал, что мне так долго не продержаться: наступила развязка.

Демон, на которого от обилия источаемого им красного, пронизывающего света уже нельзя было смотреть, вдруг резко распрямился, и вся наполняющая его сила выплеснулась вперед красным потоком. Ровно в тот же момент нах резко опустил вниз руку. Темный клинок встретился с багровой мощью демона точно в метре надо мной. Энергии вошли друг в друга и, встретившись, превратились во что-то отличное от того, чем были раньше. Потоки переплелись. Замерев на мгновение, темно-красная сила упала прямо на меня.

Я очнулся от боли, и первые минуты она была единственным спутником моего существования. Только по прошествии времени я смог ощутить свое израненное, но несомненно живое тело. Медленно перевернувшись на живот, я ткнулся лицом во что-то вязкое. С трудом, напрягая одеревеневшие мышцы, тяжело встал, распрямился и наконец-то протер заплывшие глаза.

Я стоял в яме глубиной в треть метра и очертаниями, напоминающими человеческое тело. Она была заполнена почти до краев: темно-красной, немного дымящейся, жидкостью... слизью.

Она же, по моим рукам, ногам, туловищу стекала обратно в лужу. Меня ощутимо пошатывало, кожа была будто оплав-

ленной, одежда, судя по всему, сторела вовсе. К счастью, боль, сначала невыносимая, спустя минуту, которую я стоял неподвижно, начала понемногу отступать.

Оглядевшись по сторонам, я чуть было снова не упал в лужу. Всего в трех метрах в маленьком озерце абсолютно черной крови лежало тело накха, как выяснилось, все-таки уязвимого. Источаемый взглядом накха мрак потух, и теперь можно было разглядеть лицо. Оно было одновременно и похоже на человеческое, и отличалось от него. Черные волосы, казалось, не заметившие огня, привычные контуры лица и серая кожа, практически незаметная под густыми черными полосами, паутиной тянущимися из глаз.

Темная фигура все еще сохраняла общие очертания, но была буквально изрешечена маленькими вспученными трещинами. Кровь из лужи тонким черным ручейком текла к моим ногам.

Выше по дороге, в противоположной стороне от тела «черного», из месива костей и мяса бил целый водопад прозрачно-текучей красноватой жидкости, похожей на скупое разведенный клюквенный сок. Жидкости встречались в том месте, где совсем недавно лежал я. Судя по положению солнца на небе: успело пройти около двух часов.

Деревня была разрушена. Даже мощное тело дракона не выдержало взрыва: исполинская туша разлетелась на мелкие куски. Что уж было говорить о людях. Наверное, даже хорошо, что я не мог увидеть... остатков, – только покрытая

красным земля. Прощай, Ирвин...

Я встал. Дуновение легкого ветерка принесло почти нестерпимую боль: одежда на мне истлела полностью, не пострадал только амулет на шее. Кожа казалась расплавленной...

Спотыкаясь, я побрел в сторону колодца: нужно было смыть с себя остатки жалящей смеси. Но, успев сделать только три или четыре шага, я замер. И резко развернулся: на юго-восток. Там где-то далеко лежала Черная Земля. Я что-то почувствовал... оттуда.

Со мной происходило нечто подобное и раньше. Мне частенько казалось, что я чувствую что-то. Ощущаю окружающее. Вижу чуть лучше, чем должен. Это чувство не было ни постоянным, ни приходящим, скорее, оставалось чем-то не открытым, спрятанным во мне.

Умение проснуться за секунду до того, как тебя начнут будить или навешанное чем-то знание о верном пути в густой чаще и правильном шаге в темном доме. Я совсем не боялся этого, но понять не мог.

Но теперь, я испытывал совершенно иное. Новое для меня и немного – самую малость – пугающее. Я совершенно точно и четко ощутил, что с юго-востока ко мне приближалось что-то очень-очень нехорошее. Я не мог определить что именно, хотя и догадывался. Ощущение было настолько четким, что я просто не имел права отнестись к нему несерьезно, не принять в расчет. А это значило – бежать. Как можно быстрее.

Добравшись до колодца, я стал умываться. Каждая капля холодной воды жгла свежие раны, но очищение от плавившей кожу слизи сразу приносило облегчение. После умывания тут же возник вопрос – во что одеться. Вообще вдоль деревни всегда висело много одежды, сушившейся на заборах и бельевых веревках. Но сейчас целых заборов не осталось.

Одежда все же нашлась – на земле. Я приказал себе не думать о том, кому она принадлежала раньше. Порванные в нескольких местах штаны из мешковины – на десяток сантиметров шире в талии и длиной чуть ниже колена. Относительно целая, но грязная рубаха из того же материала. Тут же нашелся кусок веревки метровой длины, которым я и подпоясался. Окинув себя критическим взглядом, подумал, что, в общем, выделяться не буду – хоть и не ясно пока, среди кого. Только вот физиономия, шутившаяся на меня из ближайшей лужи, доверия не внушала. С этим надо было мириться.

Уже спустившись к дороге, обнаружил в пыли небольшой нож. Сунув его за пояс, прощальным взглядом окинул место, где раньше стоял мой дом, и, подстегиваемый все более и более сильным ощущением чужого недоброго взгляда, кинулся в чащу.

И вот, наконец, долгожданный отдых. Не такой комфортный, как хотелось бы, но сейчас не это главное. Главное – что я буду делать дальше? Хотелось бы верить, что «черные» полностью уверились, будто демон и их горячо люби-

мый родственник просто прикончили друг друга – так и было на самом деле, – а никаких свидетелей случившегося не осталось... Хорошо, если так. В любом случае, судя по ощущениям, они ушли. Поэтому самое время подумать о насущном.

Возвращаться в деревню не имеет смысла, там уже не осталось... ничего. Значит, у меня только один выход: податься в город и, может быть, все-таки осуществить свою мечту – стать... ну, кем именно можно и потом придумать.

Глава 2

1114 г. Термилион. Лес у подножья Чайных гор.

30 день 4-го месяца.

Раннее утро

Город городом, но пока я чего-нибудь не съем, точно никуда не пойду. Я с трудом поднялся и с грустью посмотрел на волчий труп. Это, конечно, было мясо, но воняло оно, как... как что-то очень вонючее. Поэтому, прихрамывая, я побрел к речке. По крайней мере, я мог попить.

Быстро стемнело. Двигаться по лесу ночью я не рискнул. То, что на меня напал волк, не было большой случайностью: хищники в нашем лесу не редкость.

Открыл свой ночной глаз Маас. Я никогда не обращал значительного внимания ни на суеверия, ни на религию, познания в которой ограничивались именами семи термилионских богов, но Клот, бог Ночи, и Маас, точнее, его ночное

лицо, – были, наверное, все же чуть ближе остальных. Про них сумасшедший храмовник Чайной ни одной молитвы не знал. Хотя, скорее просто считал их менее достойными, чем Маас Солнечный и Инвигин Родитель, например. Зато, мы с ним оба не любили Леда. Он же: Хозяин Бездны, черт и Главный Демон. Правда, храмовник его не любил, потому что положено было, а я, потому что уже в ушах от имени резало: Ирвин его через слово поминал. И ахаллов тоже – демонов Главного Демона.

Еще, мне, пожалуй, нравилась темнота. Я любил смотреть, как колышется мрак: перетекает, сливается, шепчет... Наверное, я был даже излишне впечатлительным.

На ночь я забрался под широко разросшийся кустарник. Это стоило мне немало новых царапин, но иголки обещали хорошо защитить от зверья. У нас в деревне были в ходу истории про оборотней, но я им, разумеется, не верил. Оборотней не бывает. Уснуть удалось легко.

Проснулся я оттого, что кто-то... щекотал у меня в носу. Разлепив веки, я понял, что это не кто-то, а самая настоящая самка полытника, которая, кажется, нашла место, где сможет отложить яйца... Следующую пару минут я провел, суматошно хлопая себя по одежде, то и дело подпрыгивая... Если честно, поначалу я еще и визжал... К счастью, больше никаких насекомых обнаружено не было.

Наверное, мне, как жителю деревни, стоит стыдиться такой паники при встрече с чем-то настолько маленьким, но

ничего с собой поделать я не мог. Лет до десяти – пока не стал всем подряд давать сдачи, – меня по этому поводу постоянно дразнили. Но страха я так и не смог побороть. Нет, конечно, я мог бы взять в руку жука или червяка, но только когда был готов к этому. Хотя от чего-нибудь увесистого в качестве страховки все равно бы не отказался.

Кое-как успокоившись, я мысленно пожелал всем полыньникам передохнуть, после чего пошел к реке. Наскоро «позавтракав» – как есть хотелось! – я продолжил путь. Нужно было выйти на дорогу. Я все еще шел под уклон, и пока выбирать направление было не трудно, но скоро гора должна была кончиться, и я рисковал пропустить выход на Колок.

Время пути я потратил на поиск «даров леса» у себя под ногами. Преуспел, к сожалению, не очень. То ли места здесь были небогатые, то ли я подслеповат, но, как ни вглядывался, ничего, кроме жалкого десятка сморщенных ягодок – таких сморщенных, что я не смог определить, каких именно, – так и не нашел.

Поскольку есть все равно было нечего, я решил предаться тяжким раздумьям. Прежде всего меня волновал вопрос: «как мне удалось спастись от волка?» Был еще один: «что произошло накануне в деревне?», но на эту тему я предпочитал не думать.

Итак, на меня, израненного, уставшего и голодного, нападает злобный лесной хищник, превышающий меня размерами раза в два с половиной как минимум. Закономерным ис-

ходом нашего свидания любой здравомыслящий человек посчитал бы мою безвременную кончину и последовавший за нею сытный волчий пир, но... К счастью, не всегда все происходит так, как ожидается.

Что именно спасло меня?.. Если начать мыслить с конца, то моим благодетелем является горелый отпечаток на шее волка, очертаниями напоминающий мужскую пятерню, размерами сходный... в общем, как у меня. Но сам по себе отпечаток, конечно, никакой роли в моем спасении не сыграл. А вот насчет того, как он там появился, у меня только одна версия. И из этой версии можно сделать всего один разумный вывод. Из которого тут же выросал вопрос: а могу ли я вообще быть магом? Чисто теоретически?

Ответ прост: понятия не имею. О магии я знал совсем немного. Только то, что рассказывал Ирвин. В основном это были красивые – и не очень – военные истории:

«...Тут нас крепко прижало. Рыцарей было меньше, чем нас. Зато железнозадые были все на лошадях и с пяток по макушку запечатаны в свои ледовы консервные банки. В общем, когда нас зажали сразу с трех сторон, стало не до шуток. Нас бы тогда перебили всех в этом ущелье, если бы не его ледово Могущество Хасат Огненный. О нем всегда много чего болтали. И что он с демонами якшается, и что душонку он свою давно заложил тому, кто предложил больше, но то, что он нас в тот момент выручил, – это любой признает.

Так вот, отбиваться мне пришлось сразу от двоих. К то-

му времени нас уже не было больше. И, сказать честно, я уже стал готовиться к скорой встрече с Ледом, ну, и заодно с его ахалами, у которых на меня наверняка слюнки текли, но сам Хасат со мной туда явно не собирался. Тут ка-а-а-к бахнет, и под теми железнозадыми, что нам в правый фланг зашли, тут же скала провалилась. Вся тысяча, вместе с лошадьми, должно быть, до самого Леда долетела. Наших, конечно, тоже прилично попадало, но все же меньше, намного. Тогда нас опять стало вдвое больше, а рыцари-то уже были потрепанные, так что, с грехом пополам, перековыряли мы их скорлупки в итоге. Правда, в следующем бою уже они нас тонким слоем на щит намазывали...»

О самих магах Ирвин отзывался далеко не так лестно, как об их способностях.

«Инары – это твари, с одной стороны – чрезвычайно полезные, а с другой – до крайности эгоистичные и лживые. Если рядом с тобой на поле боя есть толковый маг, то твои шансы на выживание автоматически повышаются. Инар может прикрыть тебя от стрел, проделать брешь во вражеской линии, защитить от магов противника, а если ты достаточно важная фигура, то и от ран исцелить, пусть даже Лед уже будет держать тебя за руку. Но все это только до тех пор, пока сам инар в безопасности. Когда начинает припекать, они бегут первыми, причем нередко по трупам своих же солдат...

Что касается мирной жизни... Тут у меня для тебя только один совет – держись от этих ледовых детей подальше.

У Ордена в стране больше власти, чем у кого-либо другого. Даже рядовой инар второго или третьего ранга может позволить себе практически любой каприз. И никто не сможет сказать ему слова поперек, потому что, если ты задеваешь одного инара – против тебя встает весь Орден».

Все это мало чем могло мне помочь. Ирвин рассказывал что-то о девяти рангах, наследственности... кажется, кто-то из родителей обязательно должен быть магом. Еще было что-то про Академию Ордена...

Я поморщился. Ничего конкретного Ирвин о магии не знал, а значит, и мне рассказать не мог... Впрочем, мне это и не было сейчас особенно нужно. Что бы ни спасло меня вчера от волчьей пасти, я был этому благодарен. Сопутствующие вопросы можно было уточнить потом, если такая возможность представится. Гораздо важнее... э-э... наверное, просто двигаться вперед. «Всегда стремись стать лучше», – говорил Ирвин. Пожалуй, это был мой любимый совет. Тем более что «лучше» – это только то, что я сам выберу.

Прошло полчаса, я вышел на дорогу. Уклон был едва заметен: я уже спустился с горы. До Колока оставалось не больше четверти общего пути. За несколько часов, с разодранными подошвами, я пробежал почти 15 километров. Удивительно...

А ведь на самом деле: сейчас я совсем не ощущал себя ни больным, ни смертельно уставшим, есть, конечно, хотелось до зуда в позвоночнике, но в остальном... Я уже начал

серьезно сомневаться: происходило ли со мной днем ранее хоть что-то необычное?

Кожа выглядела почти нормально. Если она и казалась обожженной, то совсем немного. Локоть, хоть и был испещрен кривыми полосками шрамов, но сгибался и разгибался, не доставляя неудобств. На левую ногу я немного хромал. Но ведь вчера там не хватало целого куска! Я опять решил не забивать себе голову тем, чего не могу объяснить.

Совсем скоро лес остался позади. Показался первый крестьянский дом с парой коров за хлипкой оградкой. Через полчаса дома уже шли сплошной чередой. Причем каждый последующий казался хоть на самую капельку, но лучше предыдущего. Дорога стала пыльной и людной. Пару раз хромая телега чуть было не отправила меня в канаву, но я все выдержал. Показался город, если, конечно, Колок можно было назвать столь громким словом. Я уже и так был впечатлен количеством людей, зданий и прочих четвероногих. Если бы не полуразрушенная каменная стена, Колок ничем не выделялся бы из общего ландшафта.

Впрочем, это все-таки был город, и по меркам Термилиона – довольно-таки немолодой. Лет 200 назад он даже считался одним из самых укрепленных фортов страны, но то было давно. После постройки и укрепления Локта около века назад – Колок потерял свою стратегическую значимость, что не замедлило сказаться... на всем, наверное.

С первого взгляда становилось заметно, что последний

раз городские стены ремонтировались лет сто назад... Правда, теперь это уже не было важно: ворота на своем законном месте отсутствовали. По большому счету, они и не были нужны. За последние пару столетий город хоть и не стал красивее, но разросся сильно. Стена просто отделяла старую часть от новой.

Пустой створ охраняла пара бдящих стражников. Один из них, довольно молодой на вид, стоял прислонившись спиной к стене, с завистью поглядывая на старшего товарища. Более «опытный», прижимая к груди бутылку с ядовито-мутноватой жидкостью, лежал под стеной в куче соломы. Выглядел он очень несчастным. Но каждый глоток делал взгляд чуточку мягче.

Нож, захваченный мною из деревни, я закрепил под рубахой, придавив его поясом: получилось совсем незаметно. Беспокоился я зря: совершать лишних движений стражники не собирались.

Скорее подхваченный течением, чем по собственному желанию, я пошел вперед – в сторону центральной площади и, наверное, храма Мааса: а что еще могло быть посреди города? Только сейчас до меня окончательно дошло, что у меня нет абсолютно никакого плана.

«У тебя всегда должен быть план!!! План А, план Б и еще один, запасной...» – очень спокойно говорил Ирвин. Я, в общем-то, всегда был с ним согласен, но теперь особенно. В деревне мне жить не нравилось – в этом я был уверен. Чего

бы мне хотелось? Я попытался представить... и это была еда. Мне определенно хотелось есть.

Денег у меня, к сожалению, не было. Правда, у меня их не было никогда – я ведь всю жизнь прожил в деревне, где рынков не водилось. Но как выглядят термилионские соры, лоты и сервы, я знал. Ирвин за годы службы сумел кое-что скопить, а потому мог мне продемонстрировать, хотя потрогать руками никогда почему-то не разрешал.

Сор – медная мелкая монетка.

Лот – серебряная монета, равняется двадцати медным сорам.

Серв – золотая монета, равняется пятидесяти серебряным лотам.

Наиболее популярными и распространенными были соры и лоты. Примерно равные по весу, они были в ходу как у крестьян, так и у купцов. Серв, весивший в четыре раза больше и сора, и лота, был монетой знати. На всех трех было изображено одно и то же лицо – Серва Свирепого. Про него Ирвин ничего не рассказывал.

Денег не было. Где можно взять деньги? Ясно где – зарабатывать. Не ясно где это можно сделать.

Следующие два часа я искал работу и обошел не меньше десятка трактиров разного толка. Начиная с оптимистичных, типа «Веселый закройщик» – при чем тут закройщик и почему он веселый? – и заканчивая пораженческим «Все там будем». Результат был нулевой. В одном сказали, что мест

нет. Еще в двух – проигнорировали. В остальных – просто послали. Стало понятно, что работу, оказывается, нужно еще и искать.

Дядя рассказывал, что в последние несколько десятилетий север страны стал сильно перенаселен. Все отбитое у Данхары и Трихры давно было поделено и занято. Свободная земля, как и хорошая работа, давно перешли в разряд острого дефицита. Голову посетила неприятная мысль: каждый кусочек хлеба придется добывать с боем. Да и ночевать, судя по всему, тоже придется на улице...

По крайней мере, до зимы было далеко.

За раздумьями я не заметил, как отдалился от рынка и оказался на какой-то невзрачной улице. Может, удастся подрядиться на что-нибудь вроде колки дров или ремонта крыши? Здания вокруг были сплошь одноэтажные, и какой-нибудь ремонт требовался почти всем. Хотя по той же причине мне подумалось, что здесь мне вряд ли смогут заплатить. Я решил пройти немного дальше...

Настроение ухудшилось. В деревне было скучно, зато предсказуемо. Не приходилось думать, что делать в следующий момент. Теперь я должен был думать. С одной стороны, этого я больше всего и желал, с другой, от этого становилось неуютно. Было даже немного забавно наблюдать за собственными эмоциями. То перевешивало первое, то второе.

Я остановился. В дюжине метров от меня, рядом с одним из домиков за хилой оградкой, стояла женщина. Не девушка,

но совсем молодая – лет тридцати на вид, красивая. В руках у нее был топорик, очень увесистый на вид. На земле перед ней стояло насквозь трухлявое полено. Она подняла топор, замахнулась и... Тут я малодушно отвел глаза. Ну, не терплю я вида отрубленных конечностей, и так в последнее время насмотрелся...

Глухо ударило, но вскрика почему-то не последовало. Повернув голову обратно, я облегченно вздохнул. Женщине повезло – топор воткнулся в землю немного левее ее ноги. Удивительно, но на достигнутом она решила не останавливаться. Угрожающе покачиваясь, топор снова стал подниматься...

– Извините, может, вам помочь? – я решил предотвратить непоправимое. Топор вновь воткнулся в землю – теперь возле другой ноги.

– У меня нет денег, – это было сказано чуть ли не с угрозой.

Я опять с опаской покосился на топор.

– А я и не требую. Вот если бы вы мне тарелочку супа налили, са-а-а-мую маленькую, – я показал расстояние между большим и указательным пальцами. – Я бы вам дровишек и нарубил.

Она посмотрела на меня с недоверием. Я подумал, что ее можно понять.

– Хорошо, – неожиданно согласилась она. – Нарубишь, занесешь на крыльцо, сложишь. Тогда получишь свою тарелочку.

– Я быстро, – пообещал я, перескакивая через заборчик. Уж что-что, а умение рубить дрова было освоено мною в совершенстве.

Женщина некоторое время наблюдала за моими действиями, все так же подозрительно, потом зашла в дом. Минут через пять она вернулась, чтобы набрать немного дровишек: видно, у нее и в правду закончилось все пригодное для растопки.

Работы было немного – не прошло и получаса, как я аккуратно уложил последнее полешко. Из открытой двери запахло чем-то съедобным, и накинувшийся с новой силой голод чуть было не убил меня на месте. Не став ждать приглашения, я вошел.

Внутри было очень чисто и почти уютно. Почему почти? В доме явно недоставало мебели, причем, судя по расстановке, еще недавно тут все было обставлено весьма прилично. Вон в том углу когда-то висели полки: на стене остались следы от гвоздей; у дальней стены была кровать, а чуть правее от нее – шкаф: в полу остались выбоинки от ножек. Стол, скамья и печь – вот и все, что присутствовало в этой весьма просторной комнате. В последний момент я заметил еще и хромоногий табурет.

– Умойся, вон тазик. Потом садись. – Да, тазика я не разглядел.

Умывшись, я сел. Передо мной стояла тарелка пустых щей. Я взял ложку, но тут же отложил. До меня дошло, что

ничего кроме этого бульончика у нее не было. Я оглядел комнату: точно, из съедобного только паутина с пауками... точнее, даже паутины не было. Чисто ведь.

Все это было очень-очень неприятно: так бедно у нас в деревне никто не жил.

– А сами вы разве не хотите? – спросил я.

Оторвавшись от мытья котелка, она некоторое время разглядывала меня.

– Я уже поела, еще до тебя, тарелка-то у меня одна осталась, – она чуть улыбнулась, уже без недоверия.

Я сразу понял, что врет. Это было чем-то вроде определения настроения у человека. Каким-то шестым чувством я всегда распознавал фальшь. Уже не знаю в который раз за последние два дня, я вздохнул. Как бы я ни хотел есть, но я не имею права забрать у человека последнее, особенно если он сам готов поделаться. Наверное, я бы так не смог. Дров она и сама могла нарубить...

– Пойду я лучше дома поем, как раз у нас обед скоро.

Она удивленно посмотрела на меня.

– Дома? – повторила она. – И где же ты живешь?

– Да здесь недалеко, чуть ближе к центру.

– И одеваешься в эти тряпки? – насмешливо спросила она.

Настроение у нее, кажется, поднялось. Видимо, ей в последнее время не хватало собеседников. И это было странно – такая красивая, общительная вроде бы, а живет одна, без мужа... – Ближе к центру здесь одни богачи живут.

Н-да, раскусили меня.

– Пойду, – угрюмо ответил я, поднимаясь из-за стола.

– И куда? Только не говори, что домой.

– Куда-нибудь да пойду, – ко всему прочему, я был еще и упрям. Нет, ну что она привязалась? Как будто делать больше нечего.

– Значит, так. Сейчас ты сядешь и съешь честно заработанный суп, и чтоб без препирательств.

– А вы? – Несмотря на диетическую внешность, запах от супа шел очень аппетитный. Пришлось еще раз напомнить себе про упрямство.

– А я фигуру берегу.

Тут я сразу замолк. Причиной тому одно из немногих наставлений Ирвина относительно слабого пола. «Ни при каких условиях ни одного слова насчет ее веса». Еще немного помявшись, я все же вернулся за стол и с угрюмым видом подвинул к себе тарелку. Угрюмый вид должен был выражать мой протест, но женщину он чем-то очень развеселил, от чего вид стал еще угрюмее.

Взявшись левой рукой за край тарелки, а правой за ложку, я обнаружил, что, пока мы препирались, бульон успел остыть. Настроения мне это не добавило, я страдальчески поднял глаза к потолку и... резко отдернул от тарелки руку. Я обжегся.

От «холодного» супа шел пар. Краешек тарелки, за который я держался, почернел. Хозяйка смотрела на меня круг-

лыми глазами. В себя она пришла раньше, чем я.

– Ты маг? – спросила она.

Голос был почти враждебный.

– Нет...

– А это что было?

– Понятия не имею, – честно ответил я.

– Это в первый раз?

– Нет, во второй.

Мы помолчали. Она внимательно меня рассматривала. На всякий случай я решил все же доест суп.

– Значит, твои родители маги? Ты сбежал из дома? – отношение к магам в народе было, мягко говоря, настороженное... Но она говорила участливо. Хотя самая первая реакция точно была негативной.

– Меня воспитывал дядя... то есть... он мне не дядя, а просто приютил меня, когда я еще был совсем маленький. Он магом точно не был.

– И ты сбежал?

– Нет. – Меня немного покорило, что она делает акцент на этом слове. Мне было шестнадцать, и ростом я превосходил ее больше чем на голову. Во мне было почти сто восемьдесят сантиметров. Неужели я выгляжу таким ребенком? – Дядя был старый, почти сто двадцать лет.

– Заболел чем-то? – ее голос дрогнул. Надо же, как сочувствует...

– Говорю же – старый был...

– Сто двадцать – это не сто сорок, чтобы умирать просто от старости. А если он еще и ребенка мог воспитывать, – опять она про мой возраст! – то, вероятно, был достаточно крепким... Ой, извини, тебе, наверное, неприятно про это говорить...

– Нормально, – я пожал плечами, – он меня, так сказать, подготовил. Каждый день на тот свет собирался.

На эту тему она больше ничего спрашивать не стала. Видимо, решила, что на самом деле мне все-таки тяжело вспоминать. Может быть, в какой-то степени она и была права... Скорее в малой степени. Я был уверен, что не хочу жить прошлым. А «кое о чем» и вовсе решил никому не рассказывать.

– И откуда ты такой только взялся? – наверное, это был риторический вопрос.

– Я хотел в городе на работу устроиться.

– Устроиться не так-то легко, если никого не знаешь.

Я уже и сам понял.

– Зовут-то тебя, как? – спросила она.

На это я ответить мог.

– Каятан. Можно просто Кай.

– Каятан... никогда не слышала такого имени.

– Дядя сказал, что имя – единственное, что у меня от родителей. Вроде на одеяле было вышито...

– Понятно... а меня Алента зовут, – она немного помолчала, как будто просчитывая про себя какое-то решение. – Хорошо, вот что я тебе скажу, Кай. Идти тебе, насколько я

поняла, некуда. Так что, если никаких других идей у тебя нет, ты бы мог пожить здесь какой-то срок – ну, конечно, время от времени выполняя мелкие поручения, вроде той же колки дров. С припасами, как ты уже, наверное, заметил, – она махнула головой в сторону печи, – у меня не густо, но все же крыша над головой.

– Зачем это вам? – не то чтобы я не верил в простую человеческую доброту, но...

– По разным причинам, – кажется, насчет отсутствия собеседников я все-таки угадал. Если поначалу она отделялась короткими односложными фразами, то теперь, судя по всему, вошла во вкус, – во-первых, мне будет с кем поговорить: после того как умер муж, я... – она оборвалась ненадолго. Продолжила, несколько раз глубоко вздохнув. – Во-вторых, если я сейчас тебя отпущу, у меня сердце будет не на месте. Знать я не буду, но точно буду догадываться, где и как тебе придется ночевать. Ну, и еще... почему бы мне просто не помочь в меру сил хорошему человеку.

Я хмыкнул:

– А почему вы, собственно, решили, что я хороший? Может, я – наоборот, ужасный маньяк, охотящийся за красивыми одинокими женщинами?

Судя по озарившей ее лицо теплой улыбке, комплимент она оценила. А после вдруг весело рассмеялась: видимо, подолгу горевать она не умела.

– А не слишком ли ты еще молодой для маньяка-то? –

Опять про возраст! На этот раз я даже немного покраснел. Не то чтобы тут был какой-то намек на мою девственность, но все равно. — А что касается того, почему я так решила, — тут все просто: на меня произвела впечатление твоя попытка отказаться от честно заработанного обеда, хотя от самого одни кожа да кости остались.

Я не знал, как ответить. Наверное, надо было обидеться за «кожу и кости».

— Ну, так что? Останешься?

Не придумав ничего лучше, я кивнул ответ.

Глава 3

1114 г. Термилион. Туалон. Ронн.

30 день 4-го месяца.

Близится полночь

Король Термилиона Ролиан IV сидел за столом в своем рабочем кабинете. В его распоряжении была и великолепная летняя резиденция в дюжине километров от столицы и невероятно дорогое королевское поместье на юго-востоке, но жить он предпочитал в королевском дворце в самом центре Туалона.

Ролиан не любил удаляться из центра своего королевства – только здесь он мог по-настоящему ощущать, что держит бразды правления в своих руках.

Кроме того, дворец Ронн был намного удобнее и с точки зрения безопасности. Комната, в которой в данный момент находился Ролиан, была, пожалуй, самой защищенной

во всем Термилионе. По той же причине в комнате не было ни одного окна, но с какими-то неудобствами Ролиан мириться был готов: не зря же он все-таки был королем.

К тому же, сейчас бы окно ему не помогло. Свежий воздух, как и освещение, обеспечивали заклинания, да и увидеть он в нем бы ничего не смог. В Туалоне стемнело несколько часов назад, и даже если бы королю захотелось полюбоваться ночным небом, он бы не стал – слишком было много дел. Ему пришлось почти полностью отказаться от любимых развлечений. Видимо, такова королевская доля...

Ролиан просматривал важный отчет. Один важный отчет из бесконечной, неподъемной груды таких же важных и экстренных. Самым паскудным в этом деле как раз и была важность именно каждого отчета. Ни одним из толстой кипы исписанных мелким почерком листов, плотно покрывающих поверхность шикарного каменного стола, пренебречь было нельзя. И все это Ролиан должен был просмотреть, одобрить, забраковать, переделать или попросту выбросить именно сегодня.

За те двенадцать лет, что Ролиан находился у власти, одно он запомнил очень хорошо: завтрашняя куча не будет меньше.

Конечно, Ролиан мог бы переложить часть своих забот и на кого-нибудь другого, но... Это была первая и главная проблема – «других» нужно было сначала найти. Ролиан в полной мере ощутил, что быть королем – это, прежде всего, быть

одному. С того момента, как ты наденешь корону, и до самой смерти. За все время правления рядом с Ролианом появился только один человек, которому король действительно мог доверить почти все, доверить и быть спокойным, что дело будет сделано. А двое на целую страну – не слишком много.

Несмотря на все вышесказанное, отчет, который король просматривал сейчас, действительно был важнее остальных. Хоть он и занимал всего полторы страницы аккуратного рукописного текста, но именно в этом листе бумаги был заключен труд семи лет – подумать только, уже семи! Но Ролиан был уверен, что задумка того стоила.

План по захвату Данхары созрел семь лет назад. Территория была нужна Ролиану, как воздух. Все, что будет завоевано, он собирался без зазрения совести реквизиловать для нужд Короны. Термилион был большой страной, большой, но своему королю не принадлежавшей. Только треть территории, большая часть которой находилась севернее столицы, принадлежала Короне и дворянам, которых Ролиан мог считать своими вассалами. Югом владели дворяне независимые.

Налоги они платили исправно, да и заговоров не устраивали – по крайней мере, не делали этого слишком часто, – но традиции дворянского самоуправления были в Термилионе необычайно широки. Герцоги... один герцог, графы, бароны – в родах половины из них текла королевская кровь: хоть и редко менялись в Термилионе династии, особой стабильности это не давало.

Фактически, Ролиан даже не мог никому из них ничего приказать. Правда, в решении этой проблемы наклевывались кое-какие подвижки... Но для начала надо завоевать Данхару. Пришлось потратить целых семь лет.

Казалось бы: с одной стороны – гвардия, легионы, Орден, в конце концов, а с другой – всего лишь несколько разрозненных племен буйнопомешанных головорезов, у которых самая умная часть тела – голова, но только не собственная, а той лошади, на которой он сидит. Исход противостояния должен быть предreshен, однако... не все так просто.

Международная политика, будь она неладна... Аан – когда-то Великий, но уже несколько сотен лет медленно разваливающийся, в последние годы стал вновь поднимать голову. Рыцари Каранута, напрочь повернутые на своем идиотском кодексе чести. Таромский Совет, присылающий на каждый Международный Совет по полтора десятка делегатов, среди которых нет ни одного главного. Сикорцы, готовые удавиться за любой лишний кусочек побережья, между прочим, арендующие порты в Зеленом море у чертовых данхарцев. Ганиир, самый надменный из всех мерзавцев – король Трата, страны, по недосмотру богов отхватившей два десятка богатейших золотых жил и не меньше сотни идеальных для создания неприступных крепостей мест. Тавлия – страна самых бесчестных в мире людей – торговцев дипломатов, и, к сожалению, очень хороших торговцев, а уж каких дипломатов... один союз с Голубым островом чего стоит! Кимская

империя, с армией, по численности раз в десять превосходящей армию Термилиона. И многие другие, менее или более влиятельные.

А ведь есть еще и те, от кого можно ожидать вообще всего. Хиям – с войском, если верить Хасату, а ему в этих вещах можно верить, способным завоевать весь континент. Накхи, вроде бы безвылазно сидящие у себя на «острове», но обладающие такой невероятной властью, что с их появлением все вечно становится с ног на голову. Благо, такое бывает не часто.

Еще в последние годы стали появляться очень беспокоящие слухи с севера. Казалось бы, дела за пределами Такаронского полуострова не должны были волновать короля Термилиона, но... Хасат постоянно говорил об этом. Будучи сильнейшим магом Термилиона, он чувствовал что-то... исходящее оттуда – с севера.

Разведка, на которую с каждым годом тратилось все больше, пока никакой информации не давала. Те земли были мало исследованы – и ничего, кроме противоречащих один другому слухов, о той стороне не было известно. Там, ближе к экватору, было только три человеческих государства. Человеческих – в том смысле, что их населяли в основном люди, в остальном же... Впрочем, это были проблемы неблизкого будущего.

Для того чтобы Термилион мог со спокойной душой поглотить Данхару, нужно договориться если не со всеми ни-

ми, то с большей их частью точно.

Конечно, Ролиан мог и не спрашивать разрешения ни у кого из них, и войной на него никто за это не пошел бы, но... были бы другие последствия, самые разнообразные. Начиная с обыкновенного похолодания в отношениях, выражающегося большим количеством мелких пакостей, которые, приобретая международный масштаб, перестают быть такими уж мелкими. И заканчивая объявлением хоть и неофициальной, но оттого не менее полноценной экономической блокады со стороны некоторых... мнящих о себе чересчур много. Степень жесткости последствий зависит от степени всеобщей озлобленности. Такого значительного усиления конкурента – а на международной арене все друг другу конкуренты, – как завоевание целой страны, никто терпеть не захочет.

И Ролиан стал «договариваться», этот процесс длился больше шести лет. На фоне этого действия даже подготовка к самой войне отошла на второй план. Несмотря на то что королем Ролиан был всего двенадцать лет, по сравнению со многими другими своими коллегами – не такой уж длительный срок, он мог по праву гордиться собой. Ему удалось убедить, обмануть или даже подписать союз со всеми... кроме колдунов Голубого Острова.

Формально, в решении международных вопросов Остров не участвовал, выполняя только консультационные функции, но, тем не менее, с ним считались все. Отчасти потому,

что каждые пять лет Голубой Остров принимал Международный Совет и Старший маг Острова председательствовал на нем. Отчасти оттого, что глупо было не считаться с магами, обладающими ТАКИМИ возможностями. Переговоры вел Хасат.

Кстати, о том, как все прошло, он должен был сообщить уже полчаса назад, но почему-то запаздывал – для него это было несвойственно. Впрочем, на этот счет Ролиан не волновался. Больше всего король ценил в Хасате два качества: исполнительность и сопутствующую этой исполнительности аккуратность, так что если Хасат и опаздывал, то того требовали дела. Ролиан был королем: он умел терпеть.

Хасат Огненный – Верховный Инар Ордена Магов Термиллона, как часто называли его раньше, или гораздо более скромное на слух звание нынешнее: советник по внутренним вопросам, – был человеком старым, опытным и знающим себе цену.

Двенадцать лет назад, когда Ролиан III отошел в мир иной, а новый король был еще слишком молод, чтобы управлять страной, Хасат решил помочь молодому королю. Если бы его сейчас кто-нибудь спросил, зачем тогда он это сделал, Хасат, разумеется, ничего бы не ответил. За те двести три года, что он прожил на этом свете, Хасат научился держать свои мысли при себе. Он не ответил бы, но про себя подумал, что причина, по сути, была всего одна. С этим, рано или позд-

но, а иногда даже и не один раз, встречается в своей жизни практически каждый человек. Так уж случилось, что Хасат зашел в тупик.

Сейчас об этом мало кто знал, но Хасат родился не в семье магов, и даже не в дворянской семье. Он родился в маленькой глухой деревеньке на самом севере современного Термилона. Деревня эта давно перестала существовать, а Хасат нет.

Любой увидевший его в первый раз никак не дал бы ему больше шестидесяти-семидесяти лет. Хасат давным-давно получил восьмой ранг и стал сильнейшим магом своей страны. И он чувствовал, что находится в тупике.

Восьмой ранг Ордена Магов Термилона был на деле равен максимум пятому рангу для Голубого Острова, не более чем шестому-седьмому для Хиама, даже в переживающем не лучшие времена Аане его ранг был бы только шестым. И поскольку в последнее время дела там медленно, но верно шли на лад, разрыв обещал только расти. А уж если сравнивать с накхами... Хасат и сам хотел бы посмотреть на кого-нибудь, кто может с ними сравниться.

Его главная проблема состояла не в том, что он носил слишком высокий ранг. Лет десять-пятнадцать назад Хасат почувствовал, что перестал прогрессировать. Рано или поздно такое происходит с теми, кто слишком долго находится на вершине, пусть и не самой высокой. У Хасата очень давно не было противников: шутка ли, – последний раз он дрался на

дуэли больше пятидесяти лет назад. Хасат чувствовал свою мощь и даже знал, что может стать сильнее, но, как известно, под лежащий камень вода не течет.

В конце концов, настало время, когда Хасат понял: единственное, что может помочь ему стать сильнее, – это война. Война и сопутствующие ей прелести: могущественные соперники, вражеские библиотеки, тайные магические лаборатории, древние земли, дышащие старой магией – Игия, например, – и огромное количество жизненной энергии.

Да, именно война... По Серву Хасат определенно не скучал. Совершенно точно не скучал.

В годы его правления... Термилион был невероятно силен – Хасат и сам, будучи тогда еще молодым инаром, приобрел немалую толику своего нынешнего могущества, но... слишком уж много пришлось в итоге заплатить. Хасату тогда неимоверно повезло. Он был уже достаточно сильным магом, чтобы его стали искать и после окончания войны, но все-таки удалось спрятаться.

Спасибо Голубому Острову и Международному Совету – тогда они ему действительно помогли. Вместо аннексии большей части территории и аанского протектората Термилион отделался всего лишь контрибуцией и миротворческим контингентом. От чего все же можно было оправиться.

Повторять чужие ошибки Хасат не собирался. Он трезво понимал, что никогда даже не приблизится к Серву по уровню могущества. Потому идти напролом, как это делал вели-

кий Свирепый Король, Хасат не собирався.

И вот, двенадцать лет назад, откинул копыта старый пьяница Ролиан III. Тут-то Хасат и увидел свой шанс.

Молодой Ролиан обладал всеми задатками, чтобы стать королем одновременно и сильным, и контролируемым: таким, который был необходим. Правда, еще за пару лет до смерти «третьего» Ролиана будущий Ролиан IV был только третьим в списке наследования, но этот вопрос Хасату удалось решить вовремя. Однако несколько проблем тогда все же возникло.

Ролиан был третьим в списке наследования, и быть королем его просто не готовили. Это отразилось на некоторых его пристрастиях – например, любви к «развлечениям»... Но, в конце концов, Хасат посчитал за благо и это. Присутствие у человека фантазии, хоть и в несколько необычном направлении, хорошо подготавливало короля к принятию нестандартных решений. Кроме того, как и любая слабость, эта была еще одним рычагом для манипуляций владыкой...

И вот, теперь они получали Данхару. Разумеется, Термилиону эта пустая степь была гораздо нужнее, чем самому Хасату, но за первой войной обязательно последует и вторая. Он уже решил это.

– Я не сильно опоздал? – спросил Хасат, войдя в кабинет.

– Наоборот, я только-только дочитал записку насчет войны.

– Если дочитал, то опоздал я все-таки сильно, – возразил

инар, устраиваясь в великолепном кимском кресле. – У твоего военного министра все мозги ушли на красноречие.

– Сегодня всего полторы страницы.

– Да? Удивительно.

– Его, я думаю, мы будем менять после кампании?

– После. Не будем пока обострять отношения с Карсуэ.

Всему свое время.

– Ладно, с Кларенсом мы еще разберемся, а пока давай о настоящем плане.

– Хорошо, только сначала вот это... – Хасат вытащил из кармана маленький хрустальный пузырек с прозрачной жидкостью и передал его королю, – выпей сразу.

Ролиан послушно выпил. Поставив пустой пузырек на стол, сильно поморщился.

– Неужели нельзя сделать его безвкусным? – все еще кривась, спросил король.

– Если потребуется, я смогу придать ему вкус элитного хиамского вина...

Ролиан удивленно посмотрел на мага:

– Знаешь, я был бы тебе очень признателен...

– ...но тогда оно либо утратит половину своих свойств, либо на его изготовление потребуется две недели драгоценного времени, и в обоих случаях зелье почти наверняка станет ядом. Кстати, думаю, эта порция последняя на ближайшее время.

– Почему? Ты же сам говорил, что можешь полностью

устранить токсичность.

– Дело не в токсичности. Слабое или даже среднее по силе зелье на тебя больше не подействует, а сильное мне делать не из чего. И вообще тебе нужно больше тренироваться, и тренироваться упорно, – тогда старым вариантом можно будет еще некоторое время восстанавливать поврежденные потоки.

– Ты сам знаешь, что у меня нет на это времени! – неожиданно вспыхнул Ролиан. Несколько секунд он нервно дышал. Потом, также неожиданно успокоился: – Я постараюсь немного перекомпоновать расписание, но неужели нельзя отыскать какие-то резервы? В будущем нам могут понадобиться любые крохи.

– Я работаю в этом направлении. Несколько идей у меня есть, в частности, имеются большие планы относительно иггов, но это дело дня завтрашнего, а сейчас тебе действительно лучше сделать перерыв. Организм должен усвоить полученное ранее, да и выглядишь ты слишком уж юно. Внешний биологический возраст должен замереть, с твоей наследственностью – годах на тридцати, не раньше, а тебе больше двадцати пяти при всем желании не дашь.

– Ни вижу ничего плохого в том, чтобы выглядеть моложе.

– Это если ты не принимаешь зелья, в этом нет ничего плохого, а если принимаешь, то должен выглядеть так, как должен, то есть на двадцать девять лет. Ты выглядишь моложе, значит, с дозировкой мы переборщили.

– Ну, по крайней мере, не придется терпеть этого мерзкого вкуса. – Ролиан бросил неприязненный взгляд на пустой пузырек.

– Так, если с этим мы покончили, то теперь насчет плана кампании. Не далее как пять часов назад я получил сообщение от нашего человека в Данхаре. Новости в основном хорошие, вождей он уговорил, не всех, на кого надеялся, но большинство все же согласилось. Им потребуется еще пара недель, чтобы раскататься, но дело уже запущено и пойдет по тому сценарию, который нам и был нужен. Подождем подольше, чтобы они провели не один и не два набега, чтобы все выглядело так, будто мы долго терпели, но все же не выдержали. Вполне возможно, нас пощиплют несколько сильнее, чем мы предполагали вначале, особенно на севере и северо-востоке, но это нам на руку. И с точки зрения международного благословения, и с точки зрения демографии. Слишком уж эти территории перенаселены, всех в любом случае не вырежут, а то, что дома сожгут, так это к лучшему, – нам потом еще целую страну заселять. Что касается действий самой армии: тут все еще проще. Поставим командующим твоего дебила – военного министра, дадим ему тысяч восемь солдат поплотнее, из новобранцев и нарушителей, и пускай развлекается, сколько влезет. Во всей Данхаре воинов больше пяти-пяти с половиной тысяч не наберется. С оружием они обращаться умеют, но, учитывая, что они разбросаны по всей степи... такого превосходства должно хва-

тить даже Алену.

– Порты на Зеленом?

– Порты будет брать Левин со старослужащими, у него голова на плечах имеется, так что тут должно обойтись без проблем. Кочевников мы, так или иначе, все равно перережем, потери будут, и, разумеется, не маленькие, можно будет даже преувеличить слегка, но если кто-нибудь и выскажет, в конце концов, претензии, то это произойдет тихо и неубедительно.

– Ясно. Значит, колдуны все-таки согласились.

– Верно...

Ролиану голос инара показался немного неуверенным.

– И что попросили взамен?

– Ничего...

– То есть? – Голубой Остров никогда не нуждался в таких вещах, как деньги, рынки сбыта, оружие или земли, но внешнюю политику всегда проводил исключительно продуманную. Опережая всех остальных на шаг, два или три.

– То и есть. Четвертый год договаривались, а сегодня этот чертов тавлиец – посол их, так и заявил: «Голубой Остров, хотя и против любых проявлений насилия, но в дела других суверенных государств вмешиваться не вправе. Решение всех вопросов внутренней и внешней политики является собственной прерогативой правительств независимых государств...» Ну, и долго еще разорялся на смежные темы.

– Значит, – Ролиан стукнул пальцами по столу, – значит,

начав свою войну, мы как-то поможем им. Но как?

– Мне и самому очень хотелось бы узнать, – поморщился Хасат: непонимание действий потенциальных противников всегда очень его раздражало, – но фактов нет. И нет причин отказываться от наших планов, так?

– Так.

Король замолчал, но всего через секунду опять заговорил:

– Да, еще одно... Вчера, в полдень. Что это было?

Несмотря на некоторую завуалированность, Хасат понял о чем речь:

– Ты заметил?

– Заметил ли?... Да мне минут тридцать потребовалось только для того, чтобы понять, что на меня никто не нападет. Это притом, что в астрал я даже не думал высовываться.

– Пока я могу сказать только то, что удалось определить место. Кстати, Лукас ждет меня за дверью, можем послушать отчет вместе?

Кивнув, Ролиан дотронулся до стоящей в углу стола маленькой каменной статуэтки, изображавшей дракона. В ответ статуэтка чуть заметно засветилась зеленоватым светом. Для оповещения прислуги, она же охрана, использовалось простейшее заклинание связи. Как только король прикоснулся к статуэтке, та начинала светиться, а вместе с ней то же самое делала еще одна, точно такая же, находившаяся на столе охранника. Несмотря на всю простоту заклинания, главное условие – статуэтки, или любые другие предметы, долж-

ны быть вырезаны из одного камня, – оно было практически единственным способом преодолеть защиту королевского кабинета.

Всего через несколько секунд дверь тихо приоткрылась.

– Что угодно Вашему Величеству? – вежливо осведомился Сатим – личный телохранитель короля, по совместительству, одним из лучших боевых магов королевства.

– Попроси инара Лукаса, – приказал король.

Кивнув, Сатим удалился. Через несколько секунд в комнату вошел человек, внешне гораздо больше похожий на офицера Легиона, нежели на мага. Об этом говорил и меч на поясе, и слишком скромное для инара одеяние.

Заговорил Хасат:

– Лукас, Его Величество хотел бы послушать отчет по последнему делу.

Кивнув, маг заговорил ровным, по-военному четким голосом:

– Вчера около двенадцати часов тридцати семи минут в астрале прошла мощнейшая волна. Из-за сильных помех место активности, как и характер использованной энергии, сразу установить не удалось.

Маг бросил вопросительный, немного извиняющийся взгляд на Хасата. Почетный, Верховный Инар Ордена, ничего не сказал. Он и сам сумел определить место выброса только через восемь с половиной минут, а потом еще полчаса в себя приходил.

С астралом пришлось работать значительно плотнее, чем бывает нужно для обычного сканирования, направления заклинаний или захвата Энергии. Полное погружение разума в астрал позволяет узнать о нем, а значит и о самом Море, очень многое, но и риск при этом высок. Наполняющая астрал Энергия способна полностью растворить неподготовленный разум, не говоря уже о полной беспомощности физического тела мага в такой момент. Правда, и способны на такое сильное отделение Ядра от тела лишь сильнейшие.

Маг, работавший с астралом в момент выброса на небольшом расстоянии от его эпицентра, вполне мог погибнуть. Выброс был силен исключительно, но своим подчиненным Хасат послаблений давать не собирался.

Так и не дождавшись никакой реакции со стороны Верховного Инара, Лукас продолжил:

– Однако по прошествии двух часов стало понятно, что источник находится на территории Термилиона в нескольких километрах восточнее Колока. Расстояние до эпицентра выброса почти максимально возможное.

– А что там вообще есть? – спросил Ролиан.

– Там какая-то деревня... маленькая, – Лукас сделал небольшую паузу, – больше ничего определенного. Характер энергии через астрал определить не удалось: слишком много всего намешано. Скорей всего, выброс был «чистым» – не оформленным в виде заклинания. Иначе не было бы такой сильной реакции в астрале. Сказать что-либо еще можно бу-

дет лишь после осмотра местности, – он замолчал.

– Хорошо Лукас, ты можешь идти, – сказал Хасат.

Король и его советник опять остались наедине.

– Может, это «черные», вроде бы там недалеко. Понадобился народ для какого-нибудь эксперимента...

– Вряд ли, – усомнился Хасат, – не их стиль. Если бы они постоянно не закрывались, то нечто подобное чуть ли не каждый день творилось бы. У меня и так из-за остаточных эманаций с Беспокойного каждый день голова болит.

– Тогда кто? Сам-то ты пытался выяснить?

– Пытался, но, прежде чем я самостоятельно осмотрю местность, ничего конкретного тебе сказать не смогу. А так – нельзя исключать, что это были накхи или еще кто-то. Мало ли что могло у них случиться.

– То есть ты поедешь сам.

– Думаю, без этого не обойтись. Вдруг там канал в другой мир открылся, и оттуда уже демоны лезут.

– А такое возможно? – обеспокоился король.

– Почему нет?

Глава 4

1114 г. Термилион. Колок.

7 день 5-го месяца.

Прошла неделя, как я поселился у Аленты. Целыми днями я слонялся по городу в поисках какого-либо заработка. Братья меня на постоянную работу отказывались сразу. Кому-то не нравился мой внешний вид, кому-то не возраст, некоторые просто принимали меня за нечто среднее между вором и попрошайкой и гнали вон.

За все семь дней разовыми заработками удалось добыть лишь жалких полтора десятка мятых медяков. Их я отдал Аленте. Отношения у нас с ней сложились, можно сказать, дружеские. Конечно, с учетом разницы в возрасте. О себе она тоже кое-что рассказала.

Еще пару лет назад Алента могла считать себя вполне довольным жизнью человеком: с семнадцати лет сирота, к двадцати годам она вышла замуж за младшего сына одного из колокских купцов Крофли – Тина. Вскоре после этого, ста-

ла женой преуспевающего владельца гостиницы: Тин хоть и был младшим, коммерческую жилку от отца унаследовал. Восемь лет семейной жизни пролетели для Аленты, как один миг. Каждый день они усердно работали, развивая и всячески оберегая дело, и уже стали подумывать о детях, как счастье неожиданно кончилось.

Тин заболел. Сначала был обычный кашель, потом слабость, через неделю он не мог встать с постели. Заплатив просто чудовищную сумму, Алента сумела привести для осмотра лучшего городского мага-врача.

И маг выяснил, что заболел Тин не случайно: его отравили. И не просто, а посредством редкого магического яда, который пил бы из больного силы до тех пор, пока тело бы уже не смогло удерживать в себе жизнь. Как правило, длилось это не дольше трех-четырех недель.

– Через неделю после мага пришел этот Трок, старший брат Тина – мерзавец... Отец-то у Тина хоть и был купцом, но человеком справедливым, и в завещании отметил всех троих своих сыновей. Хотя Тину и досталось меньше всех, Трок искренне считал, что и это слишком. Хотел, чтобы все ему одному досталось.

Так вот, пришел этот мерзавец и говорит, что, мол, случайно узнал о болезни брата и теперь хочет осведомиться – не нужна ли тому помощь, а когда я ответила, что нам нужна куча денег на лекарства и врачей, он так мерзко усмехнулся и ответил, что с радостью нам поможет... поможет, купив

нашу гостиницу. И предложил цену, которая была, по крайней мере, в три раза меньше реальной. И этих денег было недостаточно, чтобы купить лекарства.

Было видно, что воспоминания ранят ее, но несмотря на это, Алента продолжала говорить.

– Я старалась продать гостиницу, но нужной цены мне так никто и не дал. Уже потом я поняла, что Трок все подстроил: и то, что никто не хотел покупать надежно приносящее прибыль дело, и то, что яд – наверняка дело рук Трока. Но как я могла это доказать?

Конечно, в конце концов, я продала ему гостиницу: мерзавец снизил цену еще на треть. В течение полутора лет Тин умирал в этом доме. На нужные лекарства денег не было, так что единственное, что удалось, – это продлить агонию. А после смерти Тина пришел Трок и сказал, что готов содержать меня, если я... я...

Она осеклась, но почти сразу продолжила:

– В общем, когда я отказалась, он даже не удивился, но сказал, что предложение, как всегда, в силе. Всегда был такой опрятный, вежливый... сволочь. С тех пор я не могла найти никакой работы.

На следующий день, вопреки моим ожиданиям, Алента чувствовала себя гораздо лучше.

– Спасибо, Кай, что выслушал меня. Обещаю больше сырость не разводить.

– Да ладно... Подумаешь, сырость...

– Спасибо. Живи здесь, сколько хочешь. Может быть, мы как-то и сумеем друг другу помочь.

В своих поисках не раз я проходил мимо вербовочного пункта Легиона. Здание находилось в самом центре, рядом с рынком, где я теперь проводил большую часть своего времени. Есть хотелось каждый день, а еще – откуда это, не знаю, – у меня непонятно появилось чувство какой-то подсознательной ответственности за судьбу Аленты. Умом я, конечно, понимал, что она и старше меня, и о жизни знает наверняка больше, но... появилось такое ощущение.

О том, что и мое положение – не в полметре от окончательного счастья, я как-то не вспоминал.

Мимо вербовочного пункта я проходил не однажды, несколько раз останавливался невдалеке и подолгу смотрел... на дверь. Последнее время меня нередко посещала мысль – попробовать записаться в Легион. Ирвин в свое время немало рассказывал об армии. Что-то мне нравилось больше, кое-что меньше, но мне казалось, что это было бы неплохим местом, чтобы начать. Ирвин часто говорил, что у меня есть способности к фехтованию: необходимо было попробовать их реализовать.

Просто смотреть на дверь, да и на герб Термилиона на ней: «Черный орел на зеленом поле», было довольно глупым занятием, но кое-что прояснить все-таки получилось. Например, я узнал, как выглядит сам вербовщик. Им оказался подтянутый старик, чем-то отдаленно напомнивший мне

Ирвина. Сержант – высокий и широкоплечий. Ему вполне могло быть больше ста, но двигался он еще как резво, а на вид был грозен. Городская стража, которая кроме себя никого не любила, его уважала.

Вот только как к нему подойти, я придумать не мог. Зато, я видел, как туда зашел другой парень: лет семнадцати на вид. И как он вышел, я тоже видел: красный как рак и с ухом размером в полголовы. Я понял, что завербоваться не получится. Нужно было что-то придумать...

По вечерам Алента готовила ужин из того, что удавалось найти. Иногда мы разговаривали на разные темы.

– Значит, эта магия получалась у тебя дважды?

– Да. Один раз ты видела, – она заставляла говорить ей «ты», – а второй – за день до этого.

– Ясно. Но ведь это значит, что есть способности. А ты сам не думал стать магом?

«Стать магом». Она так говорила, как будто тут все от моего «думания» зависит.

– Кто меня учить станет? Я же не дворянин.

– Но ведь это у тебя само открылось. Подобное просто так не происходит.

– Происходит, не происходит – может, у меня с испугу что-нибудь в голове перепуталось. Да и нет смысла на этот счет спорить. Все равно – ни один маг не согласится меня учить.

Конечно, если бы представился шанс, я не бы стал отне-

киваться, но я мог трезво оценить возможность появления. Сложно было представить, что инар станет меня чему-нибудь учить, что хотя бы разговаривать станет.

– Ну, ты мог бы тренироваться... Костер без рук разжигать или что-нибудь в этом роде.

– Просто не могу себе этого представить, – честно сказал я, но с тех пор время от времени стал делать попытки лучше разобраться в себе.

Я бы, может, и не стал этим заниматься – в конце концов, бессмысленно ведь стараться перепрыгнуть через трехметровую стену, не умея прыгать совсем, но одна идея о том, что делать, у меня все же была.

Как обучают маги, я, разумеется, не знал. Зато, меня кое-чему успел научить Ирвин. Правда, не из магии, а из келото – это такой универсальный стиль единоборств, – но попробовать было можно.

По сути, это было чем-то вроде того, что кимцы называли медитацией. Вообще-то, что такое медитация, я не знал, но Ирвин говорил, что это нечто похожее – способ сосредоточения, если нужно очень хорошо подумать.

Пользуясь этим методом, я решил попробовать зажечь щепку, – надо же было с чего-то начинать.

Сначала нужно было выкинуть из мыслей все постороннее. Я постараться не думать ни о чем вообще... Сознание заполнялось мыслями вне зависимости от моего желания. Я решил думать о щепке – так было немного легче.

Что делать дальше? Дядин метод помогал справиться с эмоциями, унять боль, обострить память, но ни слова о зажигании щепок.

Для начала я постараться представить, как деревяшка начинает дымиться – и вдруг загорается... Безрезультатно. Тогда я стал представлять, не как щепка загорается, а сам огонь. Представил, я думаю, довольно-таки натурально. Щепка так и не загорелась.

Я вспомнил свои первые опыты – волка, и суп. В те моменты я был переполнен эмоциями. Я попробовал разозлить себя... Не вышло. Наверное, я очень добрый.

Так я «развлекался» несколько дней.

10 день 5-го месяца

Тот день начался для меня неожиданной удачей – я наконец сумел найти постоянную работу. Оказалось: я просто искал не в том направлении. В перенаселенной северной или, как ее еще называли, королевской части страны дармовой рабочей силы было в избытке и без меня. А вот о том, что в отличие от подавляющего числа населения, грамоте меня обучали, я как-то позабыл.

Книжник, узнав, что я могу читать и писать не только на термилионе, но и на аане, сначала решил, что издеваюсь, и попытался выставить меня за дверь. Не тут-то было! Эта работа – составлять письма для неграмотных посетителей – бы-

ла одновременно и легкой, и хорошо оплачиваемой. Я нарисовал в воздухе несколько букв – книжник мгновенно пришел в экстаз. Он сразу предложил мне работу.

Когда я пришел, Алента заканчивала влажную уборку. Она делала ее каждый день, хотя ничего запачкаться и не успевало. Думаю, ей просто было скучно.

– Привет, – поздоровалась она, – как дела?

– Алента, я нашел отличное место! Не на один раз, а на-стоящую работу, надолго! – и я рассказал ей про предложение книжника.

К моему удивлению, она не очень обрадовалась этой новости. То есть, она, конечно, улыбнулась и сказала, что рада, но я все равно почувствовал: что-то не так.

Разобраться в чем дело удалось очень легко – она подумала, что если я получил работу, то и жить у нее мне больше незачем, и я захочу уйти. К счастью, убедить ее, что придумала она какую-то ерунду удалось довольно быстро. Правда, на мой взгляд, выглядело все это чересчур сентиментально, но такова была цена душевного спокойствия.

Чтобы избавиться от одолевшей меня неловкости, пришлось потребовать от нее обеда. Она тут же принялась готовить.

А пока мне нечего было делать, я снова решил попытаться сотворить какой-нибудь фокус, чем уже привык занимать свое свободное время. Естественно, для начала я на всякий случай сел на пол.

Используемое мной для самообучения состояние сосредоточения стало принимать новые формы: наверное, отчасти это можно было назвать успехом. Теперь, я мог достигнуть его почти мгновенно. Хотя главный эффект, и это было для меня сюрпризом, заключался в другом: время вокруг меня замедляло свой ход. Текло в десятки раз медленней. Дюжина секунд в настоящем – в моем восприятии могли растянуться до девяти-десяти минут. В такие мгновения окружающий мир как будто застывал, – но, к сожалению, в этом состоянии я практически не мог двигаться.

Каждый кусочек моего тела, каждый волосок наливался невероятной удерживающей меня тяжестью. Поначалу я не мог шевелиться вовсе. Только совсем недавно у меня стало получаться двигать пальцами или поворачивать голову. И хотя в эти моменты мне мои движения казались невероятно медленными, но, по сравнению с практически полной неподвижностью остального мира... скорость впечатляла. Если, конечно, все это не было просто плодом моего воображения.

Я решил попробовать сделать что-нибудь более заметное. Пару мгновений – в моем мозгу они длились больше минуты – я думал, что бы такое изобразить, но ничего особенного не придумывалось. Тогда, от нечего делать я просто взял и ткнул в пол пальцем.

От сосредоточения не осталось и следа – время резко вернулось в обычный ритм. От разности ощущений мне даже показалось, что оно потекло быстрее привычного. Откуда-то

на меня посыпались щепки. Я посмотрел вниз – в полу появилась аккуратная круглая дырочка размерами как раз с мой палец.

Долго удивляться не пришлось. Неожиданно, меня скрутило. И, что обидно, больно было не одному пальцу, всему телу сразу. Точнее, не больно, а так, будто я целые сутки не спал, при этом беспрерывно перетаскивал тяжести.

– Что это было?! – удивленно воскликнула Алента.

Она стояла у печи, откуда уже пахло чем-то вкусным. Я уже отчаялся понять, как из такого скудного набора продуктов она умудряется приготовить что-то, да еще и съедобное.

– Не знаю... Щепку зажечь у меня не получилось... вот я и решил что-нибудь еще попробовать. Правда, сам не могу понять, что...

Я постарался припомнить свои ощущения... но неожиданно, меня что-то отвлекло. С тех пор как я покинул деревню, у меня частенько стали появляться в голове непонятные мысли. Не в том смысле, что они были слишком глупые или у меня повредился рассудок, а в том, что казались посторонними – не связанными с тем, о чем я думал.

Иногда это было что-то вроде щекотки где-то в подсознании, иногда проявлялось в виде прохладного прикосновения чего-то невидимого, а порою – наоборот, сознания касалось что-то теплое, согревающее.

Это нельзя было назвать мыслями, но почему-то мне казалось, что чесотка возникала не из-за того, что я слишком

долго не мылся. Эти чувства в первую очередь проникали мне в голову. После таких случаев я постоянно останавливался посреди улицы и начинал внимательно оглядываться по сторонам... и ничего заметить не мог. Ощущение уходило так же внезапно, как и появлялось.

В этот раз получилось совсем по-другому. В доме было тепло, но я почувствовал холод. Я сразу же встрепелся, стараясь прогнать ощущение: прохлада была весьма неприятной. У меня ничего не получилось.

Холодок не исчезал. Наоборот, он затвердел, стал настойчивее и, в конце концов, оформился... Мгновенно вспомнилось ощущение, настигшее меня в родной деревне. Сейчас оно не было в точности таким же, но причина была та же – опасность. Не мелкая, вроде прогнившей ступеньки или спрятавшегося в переулке грабителя, которых, как мне казалось, я научился избегать практически не осознавая, а – большая, от каких спасаются одним способом: бегством.

Ощущение было до того четким, что я поверил ему мгновенно. Так же, как поверил бы собственному слуху или зрению... Наверное, чтобы не слишком перегружать интеллект, оно поселилось во мне легкой судорогой в области спины; причем судорога перемещалась в соответствии с моими движениями, оставаясь точно в северо-западном направлении.

– Что там? – спросила Алента. Я смотрел в окно, стараясь увидеть что-то, что могло стать причиной моих ощущений.

На самом деле, я был уверен – то, что я почувствовал, по-

ка находилось дальше, чем можно было рассмотреть из окна, но убедиться мне было необходимо. Ощущение становилось сильнее, усиливалась и моя тревога.

– Э-э... Алента, – как же это можно объяснить? – я думаю... думаю, нам надо идти...

– Куда?.. – рассеяно спросила она, не переставая что-то помешивать в котле.

– Алента, – я взял ее за руку, заставляя повернуться ко мне, – нам нужно спрятаться. Срочно.

Она недоуменно посмотрела на меня.

– Что ты имеешь ввиду?

– Нам нужно бежать. Понимаешь? Я чувствую это.

– Ты уверен? – нет, она не могла понять. Как же объяснить?!

– Да! – сердце хотело выскочить из груди.

– Но кто это может быть? Неужели Трок?.. Я слышала: он сейчас в столице...

– Нет, ты не поняла.

Я не выдержал и снова прильнул к окну. Только пустая улица: ветхие дома, грязная дорога. Народ здесь не очень любил гулять.

– Это совсем другая опасность. Возможно, она касается всего города... Ты слышишь? – резко спросил я.

Она тоже подошла к окну.

– Кажется...

Звуки изменились. Я услышал звук взрыва, грохот. Под-

нялись крики. Сначала они были далеко, но быстро приближались. Значит, я был прав! Одно дело – почувствовать что-то, притом не совсем ясно как, совсем другое – стать непосредственным участником.

– Что это?.. – выдохнула Алента.

– На город напали. Нам нужно бежать.

– Напали?.. – Вот теперь она занервничала. – Но как?.. Кто?.. – Она старательно пыталась что-то разглядеть в окно. Ее взгляд устремился куда-то выше – поверх крыш домов... – Смотри!

Я посмотрел туда же, куда и она. Над городом поднимался густой черный дым. Удивительно, как быстро занялся пожар. Я попытался припомнить, что Ирвин рассказывал мне про кочевников. Маги... были ли у них маги?.. Да, точно. Маги были, но довольно мало, и участвовали они только в самых крупных походах.

Алента опустила на лавку.

– Нам надо бежать из города, – сказал я ей, взяв за руку. Не так давно мне уже доводилось испытывать большие потрясения. Паника где-то внутри меня истово боролась с хладнокровием. Победить пока никто не мог. – Они не станут захватывать город. Возьмут все, что смогут. Остальное

– сожгут.

– Они?... Но кто это может быть? Мы ведь не на границе...

– Это кочевники. Либо Трихра, либо Данхара. Скорее второе.

– Но ведь Локт... – Хорошо, что она думает. Значит, просто испуг, а не потеря рассудка.

– ...могли и обойти, – закончил я за нее. Кочевники обычно нападают только на границу, но вполне могли добраться и досюда, если они собрали достаточно сил.

– Но что же делать?

– Бежать, – повторил я. – Хотя бы отойти от города. Вряд ли они станут обыскивать окрестности.

Ударил еще один взрыв. Он был слышен гораздо отчетливее. Еще далеко, но уже на подходе.

– Еще какое-то время у нас есть, – не очень уверенно произнес я, – тебе нужно что-то собрать? Не уверен, что мы сможем вернуться.

Она бросилась собираться. Так ей было легче бороться со страхом.

Кочевники большую опасность представляли для тех, кто владел чем-то ценным. Бежать сразу было не обязательно. Для нас с Алентой был больше опасен пожар.

Прошло около минуты. Я не отходил от окна, посматривая то вправо, то влево. Тешил себя надеждой, что все еще может обойтись...

– Алента, сядь к стене, чтоб тебя не было видно из окна, –

произнес я, — кажется, кто-то едет.

Я услышал стук копыт. Не со стороны северных ворот, откуда было совершено нападение, а с противоположной, где пока что было тихо. В принципе это мог быть кто угодно, но стук копыт... Он сразу ассоциировался с кочевниками.

Я всмотрелся в ту сторону, чуть высовываясь из окна... Да, конечно это были кочевники.

— Нет, ну ответь мне, что ты за идиот? — Атук покровительственно посмотрел на спутника. Вообще-то кто-нибудь другой на месте Таквы за такое обращение вполне мог бы вспороть бы Атуку живот, и был бы прав, но случай был не тот. Атук специально подбирал себе напарника так, чтобы в случае чего с ним было легко справиться и сабли, и хитростью. — Зачем, по-твоему, мы пошли через задние ворота? Зачем, по-твоему, мы вообще в город приперлись?

Атук выжидательно посмотрел на спутника. Тот напряженно думал.

— Для идиотов объясняю наглядно, — решил смилостивиться над ним Атук. — Во-первых, — для наглядности Атук стал загибать пальцы по одному, — если бы мы вместе со всеми пошли через главные ворота, то арбалетный болт под сердце от какого-нибудь не в меру ретивого стражника, думаю, тебя мало бы порадовал. Кишки бы ему, конечно, выпустили... потом, но сомневаюсь, что от этого у тебя затянулась бы дырка в груди.

– Но ведь теперь город без нас разграбят, – очень грустно произнес Таква.

– И много ты увезешь на своей лошадке?

– Нет... но разве мы не за этим приехали?

– За этим. Но если нельзя увезти много, то что это значит?

– Что? – Таква недоуменно уставился на друга.

Да, в отличие от Атука, который считал Такву балластом, тот думал совсем наоборот. Хотя ножа в спину при случае для друга тоже бы не пожалел.

– То, что брать нужно самое ценное, – наставительно произнес Атук.

– А я о чем говорю: без нас же разграбят!

– Нет, ты все-таки идиот. Самое ценное – это не драгоценные безделушки и серебряная посуда, а рабыни, молоденькие такие... За одну можно до двух-трех десятков золотых выручить, а за серебряный подсвечник тебе свои же брюхо вскроют.

Какое-то время Таква молчал, потом все же ответил:

– Тогда вообще не надо было в город переться. Мы же с тобой мимо крестьянских избушек ехали, там и надо было отовариваться.

Атук с удивлением взглянул на «друга». Таких мудрых мыслей он от него не ожидал. Атук сделал себе заметку получше за ним присматривать.

– Можно, но тоже не самый безопасный способ. Забыл, как Кемай прошлой весной вилами в живот получил? Не-

ет, – протянул он, – вот эта улочка как раз то, что нам нужно. Уверен, в каком-нибудь из этих домиков мы найдем, чем поживиться.

– И как ты определишь, в какой именно дом нам надо?

– Ну, ты совсем работать не хочешь! Вылезем из седла и распотрошим наугад пару избушек. Вон ту, например, – Атук наугад махнул рукой.

Пожав плечами, Таква слез с коня.

Стараясь не шуметь, я отодвинулся от окна. Показав Аленте знаком, чтоб она отошла за печку, сам я подошел к двери, подобрал стоявший в углу топор. Затем снял засов, от которого в этой ситуации было больше вреда, чем пользы. Топор я приподнял над головой и так с ним и застыл. За поясом у меня все еще оставался нож, с которым я предпочитал вообще не расставаться, но сейчас топор был предпочтительней – весил больше.

Я прислушался, – кочевник выходил из соседнего дома.

– Ну как? – спросил его тот, что сидел на лошади.

– Ни хрена, – ответил второй, – дед старый да бабка. Разбойником меня обозвали, пришлось их проучить, – после этих слов он заржал, как лошадь.

– К следующей двери иди, – приказал оставшийся в седле.

Дверь распахнулась.

– Я иду искать...

Я опустил топор на плечо кочевника. Вообще-то я метил

в голову, но когда размахивался, чиркнул топорищем о потолок, и удар вышел не очень точным. Размахнувшись еще разок – на этот раз не сверху, а сбоку, – я, что было силы, ударил его в грудь. Кочевник вылетел на улицу.

К сожалению, сабля вылетела вместе с ним. Пришлось выскочить наружу, чтобы подобрать ее. Сначала я хотел справиться с обоими одним и тем же способом, но для этого надо было справиться с первым с одного удара, – тогда второй зашел бы внутрь, ни о чем не подозревая. Можно было даже попросить Аленту изобразить испуганный женский крик, но... не сложилось. Теперь придется драться с этим: вон уже ухмыляется.

– Хорошо, что ты прикончил этого, – он кивнул в сторону трупа, – он всегда был идиотом. Хотя тебе уже должно быть все равно, ты скоро отправишься следом.

Наверное, с какой-нибудь оглоблей шансов у меня было бы больше. Саблю я держал в руках впервые, впрочем, я и меча настоящего никогда не трогал. Свой Ирвин не разрешал трогать. Говорил, что я еще недостаточно научился.

– У тебя нет шансов, малыш, лучше не сопротивляйся – тогда, обещаю, сделаю это не больно. Будет лучше, если ты бросишь саблю.

Ну вот, это была моя первая драка – по-настоящему. Никакого особенного чувства я не испытал. Как будто ты просто на кого-то очень сильно разозлился или кто-то сильно разозлился на тебя. Обычно в таких случаях нужно просто

переждать: позволить конфликту сойти на нет. Поставишь ли синяк ты или его поставят тебе, со временем все станет почти как прежде.

Умом я понимал, что в реальном бою так быть не может. Думать и действовать нужно как-то по-другому, иначе решающим становится фактор простой случайности. Что можно предсказать, если ты просто будешь стараться переждать?..

Оружие я конечно не бросил.

– Я вижу – ты упорствуешь, – произнес кочевник, красиво выхватывая саблю, – ну что ж, тем хуже для тебя.

Думаю, он не был хорошим фехтовальщиком. Иначе вряд ли бы я сумел увернуться от стольких атак. Отбивать удары подобранной саблей я даже не пытался – это бы только лишило меня преимущества в скорости. Я сумел увернуться от нескольких размашистых ударов, но так и не нашел возможности атаковать в ответ.

А вот кочевник же меня все-таки достал. Неожиданно изменив собственной тактике, он нанес колющий удар вместо рубящего. Острые ужалило меня в левый бок.

– Вот ты и попался, щенок...

– А ну, оставь ребенка в покое, подонок! – внезапно разнесся женский крик.

Кочевник отвернулся только на секунду, но мне этого хватило. Пробить кольчугу шансов не было, и я рубанул ему бедро. Упав на землю, он завыл. Правая нога была отсечена полностью, сабля застряла в левой. Надо было добить его,

чтобы не мучился, но мне было неприятно. И от крови, и от его криков. Получалось только морщиться...

От задумчивости меня пробудил стук копыт. Со стороны центра двигалась группа всадников человек из десяти, полностью вооруженная. Коней было намного больше, чем всадников, – видимо, заводные¹.

Закружилась голова. Резко заколола рана в боку: кажется, она была опаснее, чем показалось сначала. Затошнило, я пошатнулся. Стыдно в этом признаваться, но в тот момент мне было почти безразлично, убьют меня или нет. Хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Кто-то схватил меня за плечи и немного встряхнул.

– Эй, парень, ты в порядке? – незнакомый голос, хотя, кажется, какое-то смутное воспоминание...

– Разумеется, нет. Сержант, вы что – не видите, мой племянник истекает кровью, – это Алента, опознал я голос.

– Я не об этом спрашиваю, ранами займемся потом, – голос был спокойный, рассудительный. – Мне нужно знать, сможет ли он сесть в седло. Кочевники скоро закончат грабить в центре и прочешут весь город. После взятия Локта и Нарата они могут особо не торопиться.

---

¹ Заводной конь – запасной конь. Как правило, в набегах и войнах степняки обязательно имели второго, заводного коня. Именно потому численность воинского контингента, приводимая учеными, у разных исследователей Орды или Скифии разная. Вероятно, самое невероятно большое из приводимых чисел воинов необходимо поделить на 2, исключив, таким образом, заводного коня. (Прим. ред.)

В голове немного прояснилось. За плечи меня держал тот самый вербовщик армии Термилиона. Должен признаться, что я хотел встретиться с ним в немного других условиях. Рядом стояла бледная, как мел, Алента. Нас окружал десяток стражников. Всем было, должно быть, за семьдесят. Каждый был отмечен парой застарелых шрамов.

– Я смогу... – Что-то мне пробормотать удалось.

Сержант внимательно посмотрел на меня.

– Может, и сможешь, только сначала, – он нашел глазами одного из стражников, – Рик, давай перевяжи его по быстрому, и сразу в седло. Вы, сударыня, когда-нибудь путешествовали верхом? – он обратился к Аленте.

– Справлюсь как-нибудь.

Глава 5

1114 г. Термилион. Дорога Колок – Алеман.

10 день 5-го месяца.

Пятый час мы двигались на юг. Никто из кочевников или из своих на улицах Колока нам не повстречался. Вытаскивать людей из домов и насильно сажать на лошадей тоже не стали – времени не было.

Выехав из города с восточной стороны, Сарк – так звали сержанта – сразу задал высокий темп. Он сказал, что мы должны как можно быстрее доставить новости в Алеман: там были расквартированы два стандартных термилионских легиона. Необходимо было сообщить о набеге.

До Алемана было почти три дня конного ходу. Преодолеть такое расстояние с одного наскока можно было даже не пытаться. Как только начало темнеть, Сарк скомандовал привал.

Все стражники из его отряда оказались его старыми боевыми товарищами, давно закаленными во всевозможных

схватках. Должно быть, именно этим объяснялось то, что все они сумели не просто сбежать из города, а сделать это организованно, захватив с собой и запасных коней, и провизии на несколько дней, и даже нас с Алентой.

Лагерь обустроили быстро: была заметна армейская сноровка. Аленте после непродолжительного спора позволили заняться готовкой. Я тоже рвался чем-нибудь помочь, но мне не разрешили.

– Сиди уж, раненый, как ты только из седла по пути не вывалился? – сказал Сарк. – Кстати, Рик, – позвал он уже знакомого мне солдата, – посмотри, что там с парнем.

Легионер кивнул и подошел ко мне.

– Н-да, хреновасто выглядишь. А бинта-то у меня больше и нет, – Рик уже дважды менял мне повязку, но последние три часа мы двигались без остановок: Сарк сказал, что до темноты нужно преодолеть максимальное расстояние.

Сам я беспокоился меньше. Первые часа два рана и вправду грозила разорвать меня пополам, но дело тут было не в ней, а в лошади. Верхом я скакал впервые в жизни, – с проколотым боком это показалось мне малоприятным занятием.

– Ладно, давай-ка посмотрим, что у тебя там... – Рик стал аккуратно разматывать тугую повязку у меня на поясе. – Н-да, крови почти нет, а рана... – он снял последнюю полоску бинта. – Н-да, – кажется, ему нравилось это слово, – рана была... раньше. Сержант, – позвал он, – ты не мог бы подойти?

– Рик, ты в этом гораздо лучше меня разбираешься...

– Я не об этом, просто тут... э-э... случай интересный.

Сержант присел рядом со мной на корточки. Посмотрел на рану.

– И на это ты все бинты истратил? – спросил он.

– Да ты же видел сам, лезвие внутрь на несколько сантиметров вошло, – Рик всплеснул руками. – Он сейчас должен в лихорадке лежать... Я думал – придется его на седло взять, а он вообще: как после хорошего опохмела.

И причем тут «опохмел»?

– На тебе все так быстро заживает? – спросил Сарк.

– Да у меня такого никогда и не бывало, – ну, царапины заживают быстро, так то у всех. – Не рассказывать же все подряд, за идиота примут. Да и просто не хотелось.

Сарк посмотрел на меня немного подозрительно, но так ничего и не сказал.

– Ладно, будем считать, что тебя спас Маас. Кстати, а зовут-то тебя как?

– Кай.

– Кай, так Кай. Ты вот что мне скажи: как с кочевниками-то справился? Я не думаю, что эти двое были хорошими бойцами, иначе они бы вместе со всеми через главные ворота пошли, но все же они из Данхары, там детей с пяти лет к луку и сабле приучают, а тут – сразу двое.

– Ну-у, повезло, наверно.

Сарка этот ответ не устроил.

– Когда после дождя на мостовой поскользнулся, да прямо

затылком о камень, да не насмерть к тому же, – вот это повезло. А в бою удачи не бывает: либо ты правильно рассчитал, либо тебя правильно рассчитали. Так что не надо мне рассказывать про везение.

Как все было, я рассказал. Подумаешь тоже... на три предложения история.

– ...Ну, а потом я увидел, что он про меня забыл совсем, да и ударил его по ногам, сначала хотел сверху по плечу, но он в кольчуге был, – так что я решил по ногам.

– И то, что было на нем, ты кольчугой назвал? – воскликнул Рик. – Да с таким ударом ты этой жестянки даже не заметил бы.

– Сабля тупая, – предложил я.

– Да ногу-то ты ему ею отрубил, а если бы удар был чуть более правильным, то и вторая рядом с первой валялась. Так что зубы мне не заговаривай. Хм-м, – Сарк неожиданно завертел головой, – чем это так вкусно пахнет?

Через минуту солдаты во главе с сержантом уже уплетали за обе щеки.

– Спасибо, – поблагодарил я Аленту, подавшую мне чеплажку с похлебкой. Я сразу начал есть – очень уж много в ней было мяса.

– Кай, – заговорила она, когда мы поели, – Сарк сказал, что твоя рана уже зажила.

– Она и вправду зажила, а теперь, когда поел, даже не болит.

– Спасибо тебе, – она говорила тихо, почти шепотом, – ты наверняка смог бы убежать, но ты остался, и... если бы с тобой случилось что-то такое... я бы никогда себе этого не простила.

– Наверное, именно для того и нужны племянники, чтобы защищать приютивших их тетусек.

Алента улыбнулась, и я понял, что выбрал правильную тактику для разговора.

– Я даже не знаю, почему сказала, что ты мой племянник.

– А для меня, наоборот, будет честью иметь такую тетю. Я понимаю, – сделал я виноватое лицо, – что обмен не равноценный, племянник по сравнению с тетей выглядит немного завалящим, но кто сказал, что жизнь справедлива?..

На утро мы двинулись, как только рассвело. Сарк с Риком только дружно покачали головами, посмотрев на место, где у меня еще вчера была рана, – там остался тонкий белый шрам. Скачка, несмотря на приобретенную практику, оставалась для меня пыточным испытанием. Приноровившись к ритму скачки, небольшое облегчение я все-таки испытал, но на походное кресло седло по-прежнему походило мало.

По меркам северного Термилиона, дорогу из Колока в Алеман можно было считать ухоженной и даже почти охраняемой. Время от времени начинался или кончался лес, то высокий, то низкий, иногда пели птички.

Никакой особой важностью этот путь не обладал. Здесь могли появиться войска, но только в случае масштабной вой-

ны с кочевниками. Купеческие караваны были еще большей редкостью.

То есть, по закону подлости, нападения здесь вполне можно было ожидать. Ждал его и Сарк. Пару раз он даже командовал всем остановиться и занять оборонительные позиции. И один раз из этих двух я даже что-то такое ощутил – не чей то взгляд в образе простой щекотки и не движение сил в виде далекого холода, как бывало раньше, а как будто бы чуть затвердевший воздух перед лицом – незримую преграду впереди.

Но на нас так и не попали. И я понимаю почему: десяток легионеров в полном вооружении – добыча хорошая, но не самая покладистая.

К вечеру третьего дня мы подъехали к Алеману.

Пригород Алемана сильно напоминал территорию на подступах к Колоку. Резко заканчивался лес, и начиналась обширная деревня. Разве что, тут чувствовался больший размах.

Все лежащие здесь земли принадлежали Короне и занимались исключительно снабжением Легиона: провиантом, обмундированием, оружием, жильем и рекрутами. В Алемане же находилась большая тренировочная база для подготовки Легиону новых солдат. Нынешний вид Алеман стал приобретать лет десять назад, когда на престол Термилиона возшел его нынешний король Ролиан IV – бойкий на нововведения и амбициозные проекты.

Еще часа через полтора я увидел городскую стену. И в отличие от колокских укреплений – это был настоящий форт. Высокая каменная крепь и даже легионеры на стене. Везде и во множестве – герб Термилиона: «Черный орел на зеленом поле».

– Значит, так, – заговорил Сарк, – я думаю, в штаб идти смысла нет. Пока с нами хоть кто-нибудь станет говорить, успеет полдня пройти. Так что, Рик, бери остальных и идите прямо к нашему лейтенанту. Кому и что надо доложить, он сам решит. А я пока попробую даму с племянником устроить.

Забрав коней – в город верхом пускали только знать и офицеров, – солдаты тут же отправились выполнять приказание. Проводив их взглядом, Сарк коротко переговорил со стражниками у ворот, и вошли внутрь.

– Сержант, вы не могли бы объяснить, куда нас ведете? – спросила Алента.

– Я же уже говорил вам, – ответил Сарк, не сбавляя шага. Мы шли по мощеной камнем улице, сильно контрастирующей с тем, что я видел в Колоке. В Алемане бедных кварталов не было, город состоял из сильно похожих друг на друга аккуратных каменных домов и таких же аккуратных улиц.

– Вы только сказали, что поможете нам устроиться, а о том, что вы под этим подразумеваете, не было сказано не слова, – возразила Алента.

– Правда? – удивленно переспросил он. – Тогда прошу

прощенья. А веду я вас в гостиницу, которую Иветта держит, сестрица моя младшая. Вы ведь, Алента, просто великолепно готовите, это я мог проверить на собственном опыте, а вот у моей сестрицы повар... мужик-то он, конечно, неплохой, но уж очень любит за воротник залить. Так что замену она ему давненько подыскивала. Можете не беспокоиться, вам даже рады будут, да и Кая к делу поставят.

Кивнула Алента немного неуверенно, но вопросов больше не задавала. А вот я кое-что хотел спросить.

– Сержант, извините, но ведь вы были вербовщиком в Колоке, а другие солдаты, кажется, стражниками, – как же вы можете здесь в роте состоять?

– Да очень просто, это старая практика. Опытных солдат, которые нуждаются в тренировках гораздо меньше новичков, нет смысла держать без дела на казарменном положении, вот их и отправляют отрабатывать контракт стражниками или вербовщиками. А юнцов, только недавно примеривших армейскую форму, из лагеря выпускают не чаще одного дня в месяц, все это время они должны постигать мудрую армейскую науку, – он поднял вверх палец, обозначая важность науки.

– Сержант... – я подумал, что сейчас самок время задать вопрос. Я слегка понизил голос, чтобы Алента, оживленно глазевшая по сторонам, меня не услышала, – вы ведь вербовщик, и вы же принимаете в пехоту новичков. А не могли бы вы, – я еще понизил голос, – и со мной тоже контракт под-

писать?

Сарк молчал долго, несколько минут, я уж подумал было, что он вопроса не расслышал, и даже начал собираться с силами, чтобы повторить его, но в этот момент он заговорил:

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать, – соврал я.

– Шестнадцать, я думаю, хоть ты и вымахал такой... – он немного помолчал, что-то обдумывая, – хотя с виду ты за семнадцатилетнего сойдешь... – Он еще о чем-то задумался. – Знаешь, наверное, я должен был бы сейчас прочесть нотацию тебе насчет того, что в армии нет места детям, и что в преддверии войны тебе лучше было бы держаться от войск подальше, но... собственно говоря, мое-то мнение тут причем? В общем, ты уже доказал, что решения можешь сам принимать. Я помогу это устроить.

– Спасибо.

– Не за что. Ты сам решил. Может быть, потом и пожалеешь, но зато это будет твое решение. Так ведь?

Гостиница сестры Сарка находилась почти в самом центре города. Когда мы зашли внутрь, большинство мест в обеденном зале было занято.

– Так, подождите здесь минутку, – сказал Сарк, отправляясь куда-то во внутренние помещения.

Мы с Алентой уселись за ближайший свободный столик.

– Алента, – я чувствовал, что моя уверенность тает, и потому решил не откладывать, – я попросил Сарка, и он ска-

зал, что устроит меня... – я немного замялся, но потом все же добавил чуть слышно, – в учебный полк.

– Я так и думала, что этим закончится, – она говорила спокойно, но я чувствовал, как она расстроена. – Кай, неужели нельзя подождать пару лет, ты бы стал старше, и вообще... – Это «вообще», судя по всему, означало что-то вроде: выбрось из головы эту блажь, – но вслух она этого не произнесла.

– И что я буду делать целых два года?

– Ну-у, ты мог бы, – она понизила голос, – попробовать найти себе учителя...

– И во сколько обошлось бы это обучение?..

– Если бы мы с тобой откладывали в течение пары лет...

– Именно об этом я и говорю, – я ухватился за логичное объяснение. – Больше, чем мне будет положено по контракту, я нигде не заработаю. А вот через пару лет можно будет подумать о том, чтобы и вправду поискать учителя. Тем более что в Легионе тоже ведь есть маги. Вдруг удастся с кем-нибудь познакомиться?

– Но ведь в Колоке тебе удалось устроиться писарем, – почему бы не попробовать сделать здесь то же самое?

– В Колоке мне просто повезло. Найти что-нибудь подобное здесь у меня шансов очень немного, и, я уверен, ты это понимаешь. Мне очень приятно, что ты за меня беспокоишься, но, поверь, я сумею о себе позаботиться.

Кажется, Алента хотела сказать что-то еще, но тут подо-

шел Сарк, с ним была... Да, наверное, это была его сестра, хотя я думал, что она значительно старше. Иветта выглядела лет на пятьдесят максимум, имела довольно стройную фигуру и внушающий уважение бюст. Рядом с Сарком она казалась совсем маленькой.

– Ну, здравствуйте, молодые люди, меня зовут Иветта, – Сарк в обществе своей младшей сестры вел себя совсем не так уверенно, как среди легионеров. Наверное, она была харизматичная личность. – Мне тут Сарк про вас рассказывал, – она посмотрела сначала на меня, потом перевела взгляд на Аленту, – рассказывал, что вы неплохо готовите...

– У моего мужа была гостиница в Колоке, – произнесла Алента, – не такая, как у вас, конечно, но там я и готовила, и управляла даже, когда... – на этом она замолчала.

– Так, значит, вы еще и опыт имеете, но это же просто замечательно! А то среди кучи тупых вертихвосток и не менее тупых мужиков, – она бросила ехидный взгляд на брата, – и поговорить-то не с кем. А что касается вашего племянника, вы не волнуйтесь, Сарк за ним присмотрит, а в увольнение он вас посетит. И чтобы не было никаких долгих слезных прощаний... – она сделала паузу, – Алента, пойдемте со мной, я вам все покажу, вы мне все про себя расскажете, а когда в следующий раз увидите своего мальчика, то поймете, что волноваться было не о чем.

Сказав это, она уверенно взяла Аленту под локоток и повела куда-то в сторону задних комнат. Алента таким напо-

ром была слегка ошарашена, и потому только помахала мне на прощание.

– Пойдем, что ли? – Сарк не был настроен тянуть.

Через полчаса мы вышли за стену и двинулись по одной из многочисленных дорог, паутиной тянувшихся от входа в форт.

– Я тебе сначала покажу, где моя рота. Первая рота второго пехотного полка Седьмого Легиона. Если будут какие-то проблемы, приходи туда. Любой солдат подскажет, где меня найти. Когда будем у вербовщика, лучше молчи, – все, что надо, я сам скажу. Сержант Скит мой старый приятель, и я думаю, проблем не возникнет.

Проблем и правда не возникло. Хотя Сарк, как и Сарк до него, каким-то образом сумел с одного взгляда определить мой возраст.

– А ведь ему нет семнадцати, – внешне Скит оказался практически полной копией Сарка, разве что бороды не было, – и если бы это не нужно было лично тебе, то...

– Нужно, – ответил Сарк.

– Ладно, – сержант повернулся ко мне. – Значит, так, парень, что касается условий, то жалование – две монеты серебром в месяц плюс содержание и одежда, в остальном тебя просветит твой сержант. Кстати, Сарк, к кому его записать-то?

– К хиамцу.

– К Зверю?! Смело.

– Ничего, сам напросился.

Вербовщик только покачал головой.

– Подойди сюда, парень. – Когда я подошел к письменному столу с несколькими аккуратными стопками бумаг, он спросил: – Писать умеешь? – видимо, он спросил просто так и утвердительного ответа явно не ожидал.

– Умею.

– Хорошо, тогда просто поставь кре... Что-о?!

Я бросил вопросительный взгляд в сторону Сарка, но тот только мерзко скалился в сторону Скита.

– Я умею писать. И на термилионе, и на аане.

После этих слов Сарк не выдержал и расхохотался:

– Я же говорил тебе, парень просто полон сюрпризов.

– Ладно. Просто напиши свое имя. На термилионе, – добавил он, бросив грозный взгляд на Сарка.

– Я отведу его, – сказал Сарк после того, как я поставил свою подпись в контракте, а Скит отдал мне направление во вторую роту второго учебного полка.

Когда мы вышли на улицу, Сарк заговорил вновь:

– В этой роте все такие же новички, как и ты. Конечно, все они старше тебя, но большинство не намного. Мой тебе совет – ни в какие разборки не вступай, хотя бы на первых порах, а то, чует мое сердце...

– Сержант, – решил спросить я, – а что, этот Зверь и вправду хиамец?

– Да, он хиамец, но лучше называть его не Зверем, а сер-

жантом Киото, иначе выйдет себе дороже.

– А почему его так называют?

– Я бы сказал так: в обучении солдат различным премудростям нашего дела он предпочитает метод кнута и... еще одного кнута, подлиннее, а впрочем, сам узнаешь...

Глава 6

1114 г. Термилион. Алеман.

13 день 5-го месяца.

Первый взвод второй роты третьего учебного полка в полном составе стоял на плацу перед предназначенным для его проживания баракom. Сержант Киото обводил всех ничего не выражающим взглядом серых глаз. Закончившаяся четверть часа назад глубокопатриотическая лекция лейтенанта Сименса повергла новобранцев в очень «задумчивое» состояние. Лично я почти спал. С первого же взгляда становилось понятно, что сержант Киото – намного более внушающая личность. На лице высокого смуглого хиамца нельзя было найти даже тени эмоций. Возраст был неопределим.

– Меня зовут сержант Киото, – начал он ровным тоном, – это, – он чуть повернул голову вправо, – капралы Брим, Ланс и Клем, они будут помогать мне делать из вас солдат. Меня не волнует, по какой причине здесь оказался каждый из вас. Мне абсолютно безразлично, кем вы были до того, как по-

пали сюда. Единственное, что для меня важно, – это то, кем вы станете по окончании срока обучения. Вы должны стать солдатами. Для этого нужно уяснить несколько простых правил. Первое: не бывает хороших и плохих солдат, бывают те, кто выполняет приказ, а бывают те, кому это не удастся. Солдат должен выполнить приказ. Любой и вне зависимости от условий. Второе: обращаясь к старшему по званию, вы должны добавлять: сэр. На этом все.

Потом нас быстро распределяли по десяткам. Выбирали по комплекции. Дюжего народа было немало, и я попал только во второе отделение.

– Это первое распределение по десяткам, – снова заговорил сержант, – и оно далеко не окончательное. В течение первых пяти месяцев обучения вы сможете не раз как подняться в более высокий по уровню десяток, так и опуститься в более низкий, – это будет зависеть только от соответствия моим требованиям уровня вашей подготовки. Через три месяца новобранцы, из которых на тот момент будет состоять первый десяток, получают впоследствии шанс стать настоящими солдатами, они продолжают свое обучение. Легионерам второго десятка тоже представится такой шанс, но они скорее всего впоследствии станут обыкновенным армейским «мясом» и сложат головы в первом же бою. Третий десяток будет расформирован.

После объявления капралы отвели новобранцев в барак, причем каждый из капралов приглядывал только за новичка-

ми из своего десятка. Для большинства падение на твердую землю с высоты нескольких метров не прошло даром: отдых был многим необходим. Тут нас ждал еще один сюрприз. Барак нашего взвода состоял из пяти комнат, и все они имели абсолютно одинаковые размеры. Одна комната для сержанта, одна для капралов – и по одной для каждого из десятков.

– Помимо моей особой добросердечности, это еще один стимул тренироваться с большим усердием, – пояснил для всех капрал Брим – бородатый широкоплечий мужик с написанным на лице предвкушением чего-то злобного по отношению к новобранцам. – Если хотите просторной комнаты и отдельной кровати с тумбочкой, старайтесь перейти в первый десяток, если просто кровати – то во второй. Столовых для вас тоже не припасено, так что каждый десяток готовит для себя самостоятельно, для этих целей капралы будут назначать дежурных.

Главное определение, которое можно было бы дать моему первому месяцу в армии – он хоть и был довольно-таки однообразным, но абсолютно точно не был скучным. Капралы поднимали солдат в шесть утра, иногда даже раньше, и гоняли их до самого вечера. Поскольку готовить солдаты должны были сами, то в первое время частенько оставались без обеда или ужина, потому что после окончания очередной тренировки у многих не оставалось сил даже просто доползти до койки.

Тренировки первого десятка каждый день проходили по схожему сценарию. Часов в пять утра капрал Клем пинками выталкивал нас на улицу и заставлял в одних трусах сделать несколько десятков кругов вокруг нашего барака, – это упражнение длилось чуть более часа. Затем мы выполняли комплекс упражнений на общее физическое развитие, которые начисто выбивали дух даже из меня. И самое ужасное, что капрал Клем считал это только началом:

– А вот теперь, когда вы размялись... можно наконец и приступить.

И хотя я к тому моменту уже был во всех смыслах готов... впоследствии выяснялось, что капрал нисколько не шутил. Под его чутким руководством мы осваивали сначала только меч, а потом щит. Если у нас хватало на это сил, то после полудня мы обедали, затем – пара часов свободного времени, которые тратились на сон. Затем утренняя программа повторялась.

Сержант Киото подключился к тренировкам только к началу третьей недели обучения. До этого он только наблюдал за нашими тренировками и тренировал капралов. Зрелище, для тех у кого оставались силы смотреть, было не слишком впечатляющее: мастерство сержанта превосходило силы всех трех капралов вместе взятых и намного. Хватало их обычно минут на двадцать.

Тогда же, нас заново поделили по десяткам.

Киото провел только по одному короткому спаррингу с

каждым из новобранцев. На одного он тратил не больше минуты.

Соперники просто дрались на деревянных мечах. Иногда на большей скорости, иногда на меньшей, но все схватки заканчивались одинаково: сержант делал что-то, неразличимое для глаза, и его противник отлетал в сторону. Отлетал – в буквальном смысле. На расстояние не меньшее пяти-шести метров.

Когда очередь дошла до меня, в первый десяток попали только двое. Массивный мужик с бородой, закрывавшей пол-лица, и парень, наверное, всего года на полтора старше меня. Шестеро успели попасть во второй десяток, остальные в третий.

Я взял меч и встал напротив сержанта. Бой начался, но, надо признать, в тот раз я не смог показать всего, на что был способен. Я все ждал того момента, когда он совершит то неуловимое, нелогичное движение. От невероятной скорости которого любой человек должен был сломаться напополам. Хотя этого, конечно, не происходило. Слишком быстро закончились бы солдаты.

Я старался сосредоточиться: заставить мир остановиться. Раньше это получалось у меня, но только для этого я был вынужден сам оставаться неподвижным. Но сделать это в движении... За последние три недели я не раз пробовал, но едва почувствовав что-то, я не мог удержать сосредоточения. Не успевал сделать даже попытки. Может быть, мне не хватало

стимула?

Не стараясь больше преодолеть свою медлительность «измором», не стараясь ее перебороть, я вложил все имеющееся у меня в одно, максимальное усилие...

Мир, подчиняясь, замер. Или это я стал настолько быстрее? Впрочем, разницы не было.

Легионеры не шевелились, застыл воздух и все вокруг, но только не сержант. Удивительно, но его движения оставались по-прежнему быстры. Как и все, они замедлились, но совсем не намного.

Мне удалось точно подгадать момент: на второе такое движения меня бы просто не хватило. Деревянный кончик оружия сержанта приближался к моему плечу... Я поднял меч.

Что-то мелькнуло в воздухе, меня ударило. От сосредоточения не осталось и следа.

Я сидел на земле, но не в нескольких метрах от сержанта, как это получалось у остальных, прямо у него под ногами. Вокруг все было усыпано щепками. В руке я сжимал короткий – фактически одну рукоятку – обрубок меча. Подняв взгляд вверх, я заметил у сержанта в руке такой же.

– Первый десяток.

Прошло еще сколько-то времени. Дни текли одинаковые, и не было особой нужды слишком уж их считать.

Теперь, нас – первый десяток, в нем несмотря на название

было всего три человека – тренировал сержант Киото.

Киото выглядел здесь чем-то инородным, не каким-то простым сержантом, каких много в любой армии любой страны, а другим. Очень легко было поверить, что он действительно из Хиама. Правда, оставалось большим вопросом: зачем он здесь?

– Келото, – говорил он во время нашей первой тренировки в новом составе. – Вот чему я попытаюсь научить вас. Каждый из вас уже слышал это название, и все вы, скорей всего, слышали что-то разное. Вряд ли вы слышали что-то в достаточной степени правдивое. Келото – это слишком много, чтобы этому можно было научить. Первый ранг, второй или восьмой – не важно. Келото – это не искусство фехтования. В нем – нет правил. Келото – это не знание, а чувство.

Смысл келото не в том, чтобы научиться драться, обрести неуязвимость или жить до трехсот лет, а в том, чтобы никогда не останавливаться. Смысл келото – в развитии. Я могу показать вам начало этого пути, но вы должны будете сами пройти его...

У Мика, стоявшего рядом со мной, стали медленно опускаться веки. Он боролся с собой, но вот-вот его должно было начать покачивать. Глиман выглядел примерно так же. Киото этого, казалось, не замечал, продолжая говорить:

– Сегодня вы попытаетесь войти во внутреннюю гармонию со своим телом. Каждый из вас попробует установить духовный контакт с самим собой. Сейчас, когда ваше тело

существует отдельно от духа, ваши возможности значительно ограничены. Медлительность и несовершенство мешают установить связь с Миром, почувствовать его, знать, что произойдет в следующую секунду. Не позволяют чувствовать окружающее вас. Несовершенство и медлительность вашего духа мешают вам использовать возможности вашего тела и не дают вам укреплять его, черпая энергию из глубин вашего собственного подсознания. Ваше подсознание спит и не может помочь получить Силу. Я попробую научить вас ощущать свой разум и пользоваться им. Я не думаю, что у вас получится что-либо, но я знаю, что в любом случае ваши усилия не пропадут втуне, так как каждый шаг в бесполезной попытке достигнуть совершенства – все же приближает вас к нему. Суть не в том, чтобы пройти этот путь до конца, и даже не в том, чтобы максимально приблизиться к финишу, а в том, чтобы двигаться вперед неизменно.

Итак, – он обвел нас внимательным взглядом: так как нас было всего трое, для этого ему даже не пришлось поворачивать головы, – для начала просто сядьте на землю, устройтесь поудобней. Хорошо. Теперь закройте глаза и постарайтесь выбросить из головы все мысли. Постарайтесь представить свое сознание в виде пустой комнаты без окон, дверей и даже без стен, в этой комнате не должно быть ничего, кроме равномерно растворенного в ней вашего сознания. Когда вы полностью сольетесь с этой комнатой, откройте нараспашку ваши чувства, представьте, что весь окружающий вас мир –

это и есть ваша комната, и ваше тело тоже часть этой комнаты. Посмотрите на ваше тело, разве вы не видите, насколько оно несовершенно? Насколько мало оно может? Если у вас достаточно духа и силы, то с годами вы, конечно, не сможете залатать все прорехи, но сделаете ваше тело крепче, гораздо крепче. Вы даже не должны строить его сами, достаточно просто не мешать ему. Ваше тело тоже стремится к совершенству, и единственный, кто сдерживает его стремление, это сам человек. Просто слейте свой разум и тело, для них это естественное состояние, – тогда они не смогут и не станут мешать друг другу, а для вас самих останется только самое легкое – тренировки.

Путь, указанный сержантом, я прошел с самого начала. Это было очень похоже на уже знакомое мне состояние сосредоточения, и по сути именно им и было, только на этот раз все происходило намного правильнее. Я представил свое сознание в виде пустой комнаты, а затем и комнату в виде окружающего меня мира. Теперь я действительно мог видеть больше.

Я пробовал, пробовал и еще раз пробовал. И, наконец, я заглянул внутрь себя и на самом деле, как и обещал сержант, – ужаснулся тому, что увидел. Мои тело и дух были соединены между собой настолько тонкой и искромсанной оболочкой, что просто было непонятно, за счет чего они могут держаться друг за друга. Мне сразу же захотелось исправить, залечить, напитать оболочку силой: ведь в окружаю-

щем мире так много энергии, и у меня даже получилось кое-что, но... сержант оказался прав: ничто не дается просто так. Подключившись на мгновение к миру, я сделал сильнее и свой дух, и свое тело, но к тому, чтобы стать еще сильнее, они еще не были готовы. Сначала должно стать в полной мере моим то, что я уже получил. Действительно путь на долгие годы.

После этого случая сержант стал проводить подобные занятия раз в несколько дней, но на моих товарищей по десяtku, то есть тройке, они особого впечатления не производили. Из-за постоянной усталости мы с ними общались не слишком активно, хотя отношения сложились у нас неплохие.

– Нет, Глиман, вот ты мне скажи, ну чего он хочет от нас добиться? – говорил Мик. – «Представьте комнату, загляните в себя...». Не знаю, как вы, а я после «разминки» под руководством Клема ничего, кроме кровати, представить себе не могу. Когда он нас в первый раз попросил глаза закрыть, я вообще чуть не отрубился.

– Если честно, – отвечал густым басом Глиман, – у меня от этих опытов схожие ощущения. Я даже не знаю, как начать.

– Зато у Кая наверняка все получилось, как всегда. Ведь так, Кай?

– Ну-у, может, самую малость...

– Что?!

– Ты хочешь сказать, что... э-э... стал комнатой, соединил дух с телом и... что там еще сержант говорил? – вид у Мика

был очень озадаченный.

– Я не говорю, что у меня получилось все это. Но кое-что...

– Что именно?

Да, кажется, от Мика так просто не отвязаться. Я перевел взгляд на Глимана – тот тоже слушал внимательно.

– Это сложно объяснить просто на словах... Ладно, например, я умею выкидывать из головы все лишние мысли, меня еще дядя научил. Это было просто упражнение для улучшения памяти.

– И как же его делать?

– На самом деле именно так, как и сказал сержант. Просто расслабиться и выкинуть из головы все, кроме себя самого. Точнее объяснить невозможно. У меня, когда мне первый раз объясняли, тоже долго не получалось, но никакого особого пути я не знаю.

– Другими словами, сколько ни старайтесь – ни хрена у вас не получится, – подвел итог Мик.

– Я этого не говорил.

– Но подразумевал. Можешь даже не спорить, по твоей довольной роже и так все видно.

Вот так прошел мой первый месяц в Алемане. В день этого своеобразного юбилея новобранцы получили свои первые жалование и выходной. Точнее, их получили только три человека из всего взвода, то есть первый десяток в составе Глимана, Мика и меня. Второй десяток получил жалование и

несколько часов лишнего свободного времени. Третий десяток получил двойную порцию тренировок.

В этот день мы проспали до одиннадцати – счастье, которого мне не хватало особенно.

– Ну что, отличники боевой подготовки, кто со мной сегодня по бабам? – Мик, как обычно, быстрее всех пробуждался к жизни.

– По бабам? – усмехнулся Глиман. – У тебя молоко на губах не обсохло...

– Да шел бы ты куда, старый хрыч. Сам-то, небось, не выйдешь из ближайшего трактира, пока все пиво не выжрешь.

– А хоть бы и так, – совсем не обиделся Глиман, – я же целый месяц ни капли в рот не брал. Нет, сегодня я должен и за прошлый месяц свою норму выбрать, и хотя бы на полмесяца вперед запастись, а то на следующей пробежке Клем насмерть меня загонит.

– Все с тобой ясно. Только не забудь, что у нас с утра тренировка. Если мы с Каем у Клема вдвоем останемся, то, боюсь, нас надолго не хватит.

– Ну, а ты, Кай, что, тоже по бабам? – Глиман с усмешкой посмотрел на Мика.

– Я обещал тете, что навещу ее. Она в городе работает, поваром в гостинице. Вы тоже могли бы со мной пойти.

– Нет-нет, я – в кабак, дорога каждая минута, – он тут же отправился за дверь.

– Ну, а ты?

– Ладно, только потом по бабам ты пойдешь вместе со мной.

– Хорошо-хорошо, но поторопись, герой-любовник, а то всех баб разберут.

– Это я в пять секунд, это я быстренько, – он вдруг замолчал. – Э-э... Кай, ты случайно мой ботинок не видел?

– Я тебя лучше на улице подожду, – зная Мика, я подзревал, что поиски ботинка могут затянуться надолго.

На улицу он вышел только минут через пять, вид у него был довольно растрепанный.

– Нет, вот объясни мне, как мой ботинок мог оказаться у Глимана под кроватью?

– Просто он опять храпел полночи, и ты опять кидался в него ботинками. Как всегда, промазал.

– Ну, в окно я на этот раз не попал...

– Только потому, что Глиман сегодня спал у стенки. И вообще Лед с ними, с твоими ботинками!

Спустя четверть часа мы были у городских ворот. Заплатив пошлину – при этом у Мика был очень оскорбленный вид, – мы зашагали по центральной улице. Мик всю дорогу ворчал из-за непланового расставания с тремя медяками. Раньше я за ним такой экономности не замечал.

– Да угомонись ты, – наконец не выдержал я, – если повезет, может, пообедаем бесплатно. И не тем, что ты обычно готовишь, а чем-нибудь съедобным.

– И долго ты будешь мне про тот случай напоминать? –

он посмотрел на меня серьезным недовольным взглядом. – Подумаешь, ошибся человек, с кем не бывает? Зато вкусно было...

– Вкусно? Ничего себе! После того супчика я три дня ничего есть не мог. А как Клем-то радовался, что сможет проверить нашу выносливость в условиях недостатка провианта. Может, это все же он тебя подговорил ту травку добавить?

– Да если б я знал, что меня от этого супа в пять узлов скрутит, – я бы на него даже смотреть не стал!

– Только из-за того, что ты тоже мучался, мы тебя с Глиманом тогда и не придушили, хотя соблазн был... Кстати, вот она, гостиница.

Мы зашли. Народу было довольно много. Ни Аленты, ни Иветты видно не было.

– Пойдем к стойке, – сказал я. Когда мы подошли, я обратился к бармену: – Извините, а вы не могли бы сказать, как мне найти Аленту?

– Управляющую? – переспросил он. – Зачем тебе?

– Э-э...

– Кай! – кто-то схватил меня сзади.

– Привет, Алента, – поздоровался я, когда наконец высвободился из ее объятий.

Честно говоря, я был немало смущен. С одной стороны, мы с нею были совершенно чужие люди, но с другой – жизнь сблизила.

– Когда ты успела стать управляющей?

– Нет, – она строго посмотрела на меня. Что-то подобное я помнил во взгляде Ирвина, – сначала ты представишь мне своего друга, потом я вас покормлю. Только после этого будем обмениваться новостями.

– Как скажешь, – ответил я, хотя Алента уже усаживала нас за столик и ничьего согласия ей не было нужно, – а этого растрепу зовут Мик, мы из одного десятка.

Слово «десяток» Аленте заметно не понравилось.

– Симпатяга, – ласково сумела улыбнуться Алента, потрепав Мика по голове. Мик сразу приобрел до жути довольный вид, но щеки у него порозовели. – Ладно, посидите немного, я вам пока поесть организую, – и она убежала в сторону кухни.

– Ну, ты и трепло, – я с трудом сдерживал смех, – а еще по бабам звал.

– Ты же даже не предупредил, что она такая... – на лице Мика ясно читалось восхищение.

– А ты не расслабляйся.

Следующие полчаса мы потратили на прием пищи. Если у меня когда и был такой вкусный и обильный обед, то так давно, что я не помнил.

– Ну, так когда ты стала управляющей? – спросил я, отодвинув тарелки.

– В первый же день...

Мы проговорили почти два часа. Казалось бы, рассказывать-то особенно не о чем, но Аленту интересовало буквально

но все. Конечно, в первую очередь она должна была узнать, не обижает ли меня кто. Я опять смутился. В конце концов, нам с Миком удалось ее убедить, что мы сами кого хочешь обидим. Она отпустила нас только после заверения, что мы обязательно зайдем на ужин.

Весь день мы прошлялись по городу. Алеман был буквально завален различными мастерскими и оружейными лавками. В первую очередь нас, конечно, интересовали вторые, хотя надолго нас не хватило. Смотреть, но не покупать – дело затратное для нервов.

Потом почти с зеркальной точностью повторилась наша утренняя встреча с Алентой. Возвращаться пришлось уже затемно. Алента сделала попытку оставить нас на ночь в гостинице, но мы вырвались.

Выйдя наружу, мы неспешно побрели в сторону городских ворот. На улицах уже никого не было. Немногочисленные магические фонари центра города остались позади быстро, но и до ворот идти было уже недалеко.

– Срежем здесь, – вдруг предложил Мик.

– Да тут десять минут осталось.

– А так за пять дойдем.

– Ладно. Но если там в подворотне тебя кто-нибудь станет грабить... или насиловать, я сразу же брошусь наутек. Меня даже совесть мучить не будет.

– Да откуда в Алемане бандиты? Здесь на одного жителя трое военных. И вообще мне после Клема никто не стра-

шен... – в этот момент в тот самый переулок, куда предлагал свернуть Мик, прошел какой-то человек – в темноте было плохо видно, но мне показалось, что он был в армейской форме. – Вот видишь, – тут же указал на него Мик, – никто не боится.

– Пойдем, – сдался я, – но только потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Мы вошли в переулок; сразу стало заметно темней. Если на главных улицах какие-то окна еще светились, то здесь не было и этого.

Я примерно представлял себе путь, который нам нужно было пройти, и потому не беспокоился. Бандитам здесь действительно взяться было неоткуда. Мы сделали пару поворотов – тоже мне обрезной путь! – и подошли еще к одному. Я вдруг почувствовал какое-то беспокойство.

– Подожди, – я придержал Мика за рукав.

– Чего ты?

– Тихо, – шикнул я на него и произнес, едва шевеля губами, – там кто-то есть.

– Наверное, тот офицер, он не очень спешил, – кажется, часть беспокойства Мику все же передалась: он говорил шепотом.

Стали слышны какие-то звуки, я осторожно выглянул из-за угла. Оказалось, Мик почти угадал. За углом действительно был тот самый офицер, который прошел мимо нас несколько минут назад. Только офицер был уже не один. На

него нападали сразу четверо, как водится, обряженных в черное.

От тех трех, что атаковали спереди, он, хотя и отступая время от времени на шаг или два, оборонялся очень умело, а вот четвертого, того, что стоял в тени с арбалетом, кажется, не видел. Вообще-то я бы его тоже, скорей всего, не увидел, но, едва оказавшись в переулке, мгновенно ощутил на лице холодный поток – исходящую из темного угла опасность.

Я и раньше не оставлял подобных «просветлений» без внимания а, после уроков сержанта Киото стал относиться к ним только с большим почтением. Несколько секунд внимательного взгляда помогли выявить и арбалетчика.

– Надо ему помочь, – прошептал я Мику, выглядывавшему из-за моего плеча.

– А по-моему, он и сам неплохо справляется, – в этот момент одному из нападавших удалось чиркнуть лезвием по левому плечу офицера, – хотя, может, ты и прав...

Я вытащил из-за пояса кинжал. Последний месяц он мирно лежал в тумбочке, но впервые направившись куда-то за пределы казармы, я взял его с собой. Секунду спустя я увидел, фактически – почувствовал, что стоявший в тени убийца – а для грабителей нападающие выглядели слишком организованными, – наконец решился надавить на крючок. Больше медлить было нельзя.

Высунувшись из-за угла, я бросил кинжал. И попал. Ударившись об стену, убийца повалился на землю.

Лейтенант что-то услышал, и ему пришлось потратить мгновение, чтобы бросить взгляд через плечо. Не знаю, увидел ли он что, но заминка не прошла безболезненно. Его опять ранили, на этот раз в ногу. Стало понятно, что долго ему не продержаться.

Метнувшись к телу убитого, в переулок, я выдернул из его ножен короткий меч: такой же, как и у остальных нападавших. К сожалению, от удара о землю разрядился арбалет. Иначе можно было бы сразу вывести из строя еще одного.

– Перезаряди арбалет, – шепнул я Мику, который уже был рядом со мной. Сам я решил попробовать помочь офицеру.

Четвертый убийца занимал позицию немного в стороне от места схватки, потому для остальных мое появление стало сюрпризом. Я старался двигаться как можно тише.

Тренировки под руководством сержанта Киото научили экономнее расходовать силы. Если раньше, чтобы ускориться, мне приходилось выплескиваться полностью, то теперь мое сознание всегда находилось в гармонии с телом. Конечно, при таком неполном погружении в саабат – так Киото называл состояние сосредоточения – не могло быть и речи, чтобы отразить хотя бы один удар такого мастера, как сержант, но зато над всеми остальными я мог бы иметь значительное преимущество в скорости никак не менее получаса.

И этим преимуществом я мог воспользоваться в любой момент. Саабат становился такой же важной и естественной частью меня, как потребность и возможность дышать.

Я думал, что с этими тремя придется повозиться, но оказался не прав. Все кончилось на удивление быстро. К ближнему убийце удалось подобраться бесшумно, и это решило исход поединка. В первый же удар я вложил максимум силы. Еще через секунду щелкнула арбалетная тетива, и противник остался только один. Его прикончил сам пострадавший. Несмотря на полученные ранения, он оставался боеспособной единицей.

– Надо бы вас перевязать, – обратился я к офицеру. Он был молодой и с внимательным взглядом.

Я быстро разорвал снятый с трупа плащ и начал перевязывать лейтенанта: удалось разглядеть знаки различия. Мик в это время обшаривал неподвижные тела... Мародер. Он ведь не видел раньше трупов. Для меня это был уже не первый раз, а держался я с трудом.

Лейтенант молчал, разглядывая нас. Наверное, был удивлен нашим невеликим возрастом, или просто радовался, что остался жив. Ему еще и повезло: из трех ран серьезной оказалась только одна – вторая, в руку.

Пока я заканчивал перевязку, Мик успел набрать целый мешок. Значит, его от рвоты избавляла жажда наживы.

– Целая куча железа – и ни одной монетки, – пожаловался парень.

– Скупердяй, – обозвал я его. – Как вы себя чувствуете, лейтенант? – я повернулся к спасенному.

– Хуже, чем хотелось бы, – ответил он, поморщившись. –

Кажется, я должен поблагодарить вас, молодые люди, если бы не вы, то... В общем, этот день мог бы стать одним из самых неудачных в моей жизни.

– У всех бывают неудачные дни, – сказал я.

– Точно, – согласился он, – кстати, меня зовут лейтенант Леринг.

– Рад познакомиться с вами, лейтенант, даже несмотря на не слишком располагающую обстановку. Я – Кай, а это – Мик. Второй учебный полк, взвод сержанта Киото.

– Зверя?

– Зря вы так. Сержант Киото очень душевный человек.

– А я и не сомневался, – лейтенант через боль улыбнулся, – а десяток у вас какой?

– Первый.

– Правда? Ну, тогда все понятно.

– Наверное, вам нужно в госпиталь, – вернул я его к действительности.

– Нет, лучше просто доведите меня до моей роты.

– Какая у вас?

– Первая, второго пехотного полка, Седьмой Легион.

Надо же, как повернулось, подумал я про себя, а вслух сказал:

– Наверное, но сейчас нам лучше спешить, а то эти, – я махнул рукой в сторону трупов, – могут оказаться не единственными. Кем бы они ни были...

– Ты прав, – согласился лейтенант.

Прав я был или нет, а по пути в лагерь на нас так никто и не напал. Леринга мы довели до дверей барака первого взвода и, не став дожидаться появления кого-либо, поспешили удалиться. Перед самым уходом лейтенант обратился к нам:

– Ребята, сегодня вы спасли мне жизнь, и я этого никогда не забуду. Если вам когда-нибудь будет нужна помощь, то я сделаю для вас все, что смогу.

– Да ладно вам, лейтенант, мы ведь это от чистого сердца и возвышенных побуждений, мы и не думали ни о какой выгоде, – говоря эти слова, Мик очень ласково обнимал мешок с украденным оружием.

– Да я так и думал, – не смутился лейтенант, – но, тем не менее, мои слова остаются в силе.

Когда мы уже были недалеко от расположения нашей роты, я вдруг вспомнил, что Мик несет с собой кучу оружия, которое не прошедшим обучения солдатам иметь было запрещено.

– И куда ты это все тащишь?

– А что, ты предлагаешь выбросить? Ты видел клинки? А арбалет? Да это все кучу денег стоит!

Я вытащил из его сумки один из мечей, он и во время боя показался мне очень неплохим оружием, – сейчас я только утвердился во мнении.

– Знаешь, – задумчиво проговорил я, – а ведь нам сегодня очень повезло. Эти четверо явно не ожидали нападения. Если они так разбираются в оружии, то в другой ситуации

им бы не составило труда справиться с парой недоученных солдат.

– Ты это серьезно? – Мик смотрел на меня с подозрением, как будто думал, что я над ним издеваюсь. – Я имею в виду про «повезло».

– Ну да.

– Одно из двух. Либо ты просто дурак, либо скромный до такой степени, что все равно дурак. Тебя ведь даже не задело ни разу, а этот Леринг чудом на тот свет не отправился.

– Я и говорю – повезло.

– Ага, а тот бандюган сам по себе взорвался?

– Взорвался?

– Ну, я, конечно, точно не знаю, что ты там с ним сделал. Но мне это показалось именно так. Вот ты крадешься к нему, крадешься, а потом ты ему ка-а-а-к... Самое обидное, что я даже не заметил как. Он взорвался – прямо посредине туловища. Я специально его потом рассмотрел повнимательнее. Сначала-то мне показалось, что ты хоть и каким-то невероятно быстрым движением, но просто ему живот вспорол. Но когда ближе подошел... оказалось, что лезвие прошло не через живот, а через тазовую кость, и даже эту самую кость не заметило. Ровненький такой срез получился, я аж залюбовался.

– Залюбовался? – к горлу подкатила тошнота. А я-то, дурак, почти уверился, что на этот раз обойдется без нее... – Ты что, ненормальный – на трупы любишь?

– А что такого? У меня отец мясником работает. Мне и самому приходилось скотину закалывать.

– Ну, ты сравнил – то скотина, а то человек.

– Не вижу особой разницы между скотиной и тем, кто хочет выпустить тебе кишки.

– Ладно, хватит о кишках, – я поморщился. – Скажи лучше, куда ты собрался мешок прятать?

– Да прямо в нашу комнату в казарме. Там в углу доска от пола отстает, места хватит...

Он уже подсчитывал в уме прибыль.

Глава 7

1114 г. Термилион. Алеман.

15 день 6-го месяца.

Келото

На следующее утро сразу после «разминки» с Клемом к нам подошел сержант Киото.

– Капрал, я вас сегодня немного разгружу, – он повернулся ко мне, – Кай, за мной.

Глиман с Миком проводили меня сочувственными взглядами. Сержант остановился, когда мы дошли до другого конца плаца, где была скамейка, стоя рядом с которой, он порою наблюдал за тренировками.

Я был удивлен не меньше. И чего он от меня захотел?

– Капрал Клем – хороший солдат, – произнес сержант, – но этого недостаточно... Поэтому время от времени я буду самостоятельно контролировать уровень подготовки.

Он бросил на меня короткий взгляд, как будто проверяя что-то, а после ровно заговорил. Эх, был бы у него голос хотя бы капельку не такой монотонный...

– Келото, как стиль владения оружием, известен вот уже почти три тысячи лет. Сначала это была просто небольшая школа единоборств в одном из южных ханств, на месте современной Кимской империи. И ничем особенным эта школа не выделялась. Не выделялась до тех пор, пока ее не возглавил мастер Оттори Бей Зин. Никакой достоверной информации об этом человеке до нашего времени не дошло. Никогда не подвергались сомнению лишь два факта. Известно то, что он действительно существовал и в течение почти пятидесяти лет был главой той самой школы, а также известно, как называл он свое искусство: келото. Никаких свидетельств о том, чем было то, самое первое, келото, история не сохранила.

Киото сделал короткую паузу, видимо, давая мне время проникнуться, но этого, в общем-то, и не требовалось. В отличие от Мика, к таким полезным, и особенно таким древним, вещам я проявлял бы интерес, даже если бы их рассказывало ведро битого стекла. Даже если бы голос был соответствующий.

– Прошло время. Оттори Бей Зин покинул школу – в точности так же, как покинули ее и его ученики. Разница была в том, что, в отличие от своего учителя, никто из них не пропал без вести. Скорее наоборот. Их было немного, но все они

обладали неизвестной и великой силой. Смерть и жизнь каждого оставила в истории заметный след. Как правило, след был кровавым. Но в конечном итоге значение имело не это, а то, что у них тоже были ученики.

Келото быстро распространялся по миру. Открывались новые школы. Хотя большинство из них учили одному лишь фехтованию и были крайне далеки от келото. Конечно, появлялись и настоящие мастера, но, несмотря на это, искусство было разорено. Неизвестно, в каком виде существовало бы оно сейчас, и осталось бы в нем вообще хоть что-нибудь из наследства Оттори Бей Зина, если бы около двух тысяч лет назад не произошло решающего и определяющего для келото события.

Правивший в то время император Хиама приказал собрать со всего мира девятерых лучших мастеров келото. И приказ был выполнен. Как такое оказалось возможным, не ясно, но это факт – девять лучших мастеров келото поселились в специально созданной по приказу императора школе. Школе на острове Ниаватта. Прошло совсем немного времени, и Школа стала знаменита на весь мир.

Все впоследствии созданные школы старались как можно точнее скопировать устав и систему обучения этой Школы, но ни у кого так и не получилось этого сделать в полной мере. В результате общепринятыми стали два правила. Первое: келото – это универсальный стиль фехтования, для которого подходяще практически любое оружие. Второе: в келото

девять рангов, и присвоить ранг может глава любой школы, если только он сам имеет ранг более высокий. В таком виде келото существует в мире и по сей день.

Школа пошла по совершенно иному пути. Там были собраны лучшие воины мира. Там были собраны те, кому была известна суть искусства. Именно там родилось то, что принято называть «истинным келото». Великое искусство самопознания и самосовершенствования. Великое искусство движения.

Опять Киото сделал паузу. Я понял, что это не для того, чтобы проникся я, а для него самого. Для сержанта это точно не было просто фехтованием.

– С тех пор звание Мастера, соответствующее восьмому рангу, можно было получить только на острове Ниаватта. В настоящее время новые Мастера появляются не чаще, чем раз в двадцать-тридцать лет. На данный момент в мире всего тринадцать Мастеров, и только четверо из них не потеряют своего ранга после смерти.

– Его можно потерять?

– Да, если Мастер не сумеет подготовить себе ученика, который также станет Мастером. На данный момент тех, кто сумел, только четверо, – сержант ненадолго ушел в себя, но вскоре вернулся к реальности. – Пожалуй, хватит на сегодня разговоров. Теперь время для тренировок. Мы начнем и продолжим с саабат...

Следующие два месяца получились для меня нелегкими. И в обычной жизни, и в саабат мое тело представлялось одной незаживающей раной. Сержант, казалось, поставил себе целью либо научить меня «чему-нибудь», либо просто замучить до смерти.

Чем я был обязан такому вниманию, Киото объяснять явно не собирался, а спросить самому мне банально не хватало смелости. У него постоянно был такой вид, как будто его ничто, кроме его прямых обязанностей, не интересует ни в малейшей мере. Он должен был тренировать новобранцев, и он делал это. А почему и как? Этих вопросов не существовало.

Внешне тренировки на мне сказывались не особо сильно. Я хоть и оставался худ, но совсем замученным не выглядел, скорее даже немного окреп за это время. Но по моим внутренним, сильно обострившимся за последнее время ощущениям – я казался сущей развалиной.

– Сила не может течь в тебя, если ты в ней не нуждаешься, – говорил сержант. – Укрепить соединяющую тело и дух оболочку по-другому невозможно. И чем она будет становиться плотней, тем сложнее будет сохранить ее в «разорванном» состоянии.

Еще через пару месяцев ситуация приобрела совсем уж крутой оборот. Сержант не стал ограничиваться утренними «послеразминочными» занятиями, на что я надеялся поначалу. Стало казаться, что тренировки продолжаются целы-

ми сутками. Как и обещал Киото, главный акцент делался на полное и практически постоянное погружение в саабат.

– Саабат сам по себе подразумевает гармонию тела и духа, – говорил сержант. – Если тело и дух станут едины, то ощущение саабат станет более чем естественным. Ты сможешь постичь не только себя, но и сам Мир. Почувствовать, что на самом деле означает – быть неотделимым от него кулочком. Знать о нем все в каждое из мгновений...

Уроки фехтования были более интересны, хотя и они неизменно сопровождались саабат.

– Цель не в том чтобы научиться всем тактическим приемам, которые можно использовать во время боя. Главное и первое, что должен делать каждый, – это учиться, учиться самостоятельно. Заложённая тренировками основа сможет перерасти в искусство только путем получения все нового и нового опыта.

По-моему, ни одного конкретного приема сержант мне так и не показал. Более важным он считал показать то, на что способно искусство. А смогу ли я все это повторить – уже мои проблемы.

– Используя в бою меч, как и любое другое длинное оружие – шест, копье, булаву, топор или красту, ты не должен управлять им с помощью одного лишь плечевого сустава. У тебя есть кисть, локоть, плечо, торс, ноги, со своими собственными суставами, шея, голова, масса твоего тела и твоего оружия, масса противника, пальцы и кожа. Значение име-

ет все. И каждый компонент должен быть учтен.

Киото продолжал говорить, не отрываясь от тренировки. Если ему удавалось делать несколько дел одновременно без всякого ущерба в их качестве, то мне каждый раз приходилось нелегко.

– Инициатива – вот залог победы практически в любом бою, – говорил сержант, атакуя, не давая мгновения, чтобы перевести дух. – Оставь красивые поединки позерам и аристократам. Противник должен лишиться возможности сопротивляться после первого же твоего удара. Даже если он успел атаковать первым, ты не должен подстраиваться под его движение. Если противников слишком много и обычные правила неприменимы, – это не причина для поражения, это лишь повод извлекать максимум из каждого движения, – и в этот момент, вместо того чтобы просто отразить очередной мой удар или отступить на полшага, он резко двинулся вперед. Задев меч лезвием как раз рядом с рукоятью, он продолжил свое движение и действительно, в то время как мой меч лишь не намного разминулсся с его плечом, острие его меча остановилось возле моего горла. – Любой твой удар должен выполнять максимальное количество действий, иначе, как бы ты ни был быстр, ты все равно можешь не успеть.

За все эти месяцы тренировки прерывались всего несколько раз. Первый – во время увольнения, когда мы с Миком навестили Аленту, а второй – по причине завершения пятимесячного испытательного срока. В этот знамена-

тельный день сержант в восемь утра выстроил весь взвод на плацу перед казармой. К этому моменту в первом десятке все еще оставалось только три человека, во втором было семнадцать, остальные в третьем.

– Вот и настал, наконец, тот день, – заговорил сержант, – когда Легион сможет избавиться хоть от какой-то части излишек. Солдаты первого и второго десятка свободны до обеда, когда будет построение роты. Лейтенанту Сименсу есть что вам сообщить. Бывших солдат третьего десятка больше никто не задерживает.

В двенадцать часов на плацу построилась теперь уже вся рота.

– Теперь вас стало на тридцать человек меньше, – начал лейтенант Сименс, – и, по идее, вы уже не должны казаться разболтанным сборищем недоумков, но это только по идее. Еще пара лет упорных тренировок – и некоторых из вас можно будет смело записывать в раздел армейского мяса. С завтрашнего дня ваши тренировки претерпят некоторые изменения. Теперь вас будут учить действовать не в виде безмозглого сборища законченных тупиц, а в виде организованного армейского подразделения. Подробнее вам объяснят командиры ваших отделений. Я же должен донести до вас другое.

Вам, безусловно, уже давным-давно известно о продолжающихся нападениях проклятых кочевников на северные области Термилиона. Ну, и те из вас, кого матери не слишком часто отпускали с рук мимо колыбели, наверняка уже дога-

дались, что Его Величество не стал бы долго терпеть подобное безобразие. И потому сегодня я могу донести до вас, что генерал Тавир, командующий Шестым Легионом, получил приказ выдвигаться к границам Данхары. Но главное, конечно же, не это. Лично меня гораздо больше волнует то, что Седьмой Легион укомплектован не до конца, а если посмотреть правде в глаза, то в нем не хватает целого полка. И укомплектовать этот полк некем – кроме меня с вами, конечно же, – после этих слов он как-то гаденько улыбнулся, – Седьмой Легион пока никуда не отправляют, – продолжил он, – но... через два-три месяца ситуация вполне может измениться. Поэтому то, как много времени успеет пройти до той поры, когда какой-нибудь сумасшедший кочевник отправит в Бездну вашу грешную душонку, зависит только от вас самих и от того, насколько усердны вы будете во время тренировок.

Хотя в тот день у нас и был выходной, в город мы решили не идти. Алента, конечно, расстроится, но я предупреждал ее, что в увольнение могут и не отпустить.

Глиман, как и в любой другой свободный день, отправился в кабак, – по обыкновению, ждать его не следовало прежде, чем в округе закончится все пиво. Мы с Миком жарили мясо около небольшого костерка. В тот замечательный день мы не тренировались.

– Лейтенант, – заговорил Мик, – сегодня почти без мата обошелся. К чему бы это? Может, это из-за того, что Шестой Легион отправляют. Вдруг и нас скоро?

– Может быть...

Мысль о том, что придется куда-то там идти, да не просто так, а резать кочевников, была... в общем, она как-то не очень укладывалась у меня в голове. В конце концов, мне даже понемногу стали нравиться тренировки... Нельзя же теперь все бросить! Хотя я ведь теперь вроде как легионер, со всеми вытекающими отсюда обязанностями...

– Если честно, – произнес я, – не думаю, что нас могут послать в Данхару. Есть более опытные легионеры. Вряд ли для карательного рейда потребуется больше пары полков. Да и как за ними угонишься без лошадей?

– Сименс сказал...

– Ерепенится, – сказал я уверенным голосом, хотя сам был уверен не до конца. – Что ему еще делать?

Мик задумался... но только на секунду. Скоро его лицо просветлело.

– Тогда... тогда надо это отметить!

– Что?

– Ну, наше посвящение... э-э, то есть принятие... в общем, то, что мы стали легионерами. Это ведь хорошо, правда?

– Наверное...

– Тогда мы просто обязаны это отметить!

– Почему?

– Да потому что мы целую вечность ничего не отмечали! А если подумать... – он сделал напряженное лицо, – мы во-

обще ничего никогда не отмечали! Одни тренировки...

– Пить вредно, – наставительно заметил я.

– Глиман пьет.

– Потому и дерется хуже тебя.

– Э-эх, пролетит вот так молодость, а мы ни вина не по-
пьем, ни по бабам не походим.

– Дурак ты, Мик. Вот смотри – сейчас тебе приходится во
всем себе отказывать, упорно тренироваться каждый день и
не знать никаких радостей. Ведь так?

– Так! Именно так! – с этим он был горячо согласен.

– Хорошо. Но представь себе: пройдут годы, ты станешь
жутко крутым, и тогда... все до одной бабы твоими будут.

Последнюю фразу я постарался сказать максимально про-
никновенным голосом.

– Если меня раньше какой-нибудь кочевник не прирежет.

– Нет, ну что ты каркаешь? Если не будешь тренировать-
ся, то этот кочевник тебя еще скорее прирежет.

– Вот я и говорю: надо отметить! Потом возможности не
будет!

Глава 8

1114 г. Термилион. Алеман.

15 день 11-го месяца.

День отдыха

«Сегодня не произойдет ни-че-го, что заставило бы меня сдвинуться с места», – я лежал на кровати, и последняя мысль приятно грела душу. Один выходной в месяц, и потратить его нужно с пользой. Весь день спать, например.

Барак – какое грубое, некрасивое слово – пустой. Ведь никого так, как меня, Киото не гоняет, значит, все остальные используют увольнительную по назначению. И слишком уж сержант в последнее время усердствует. Вообще я очень четко понимал, насколько мне повезло. Получить такого наставника, не прилагая к этому никаких усилий и даже не давая согласия на ученичество, было громадной удачей.

В армии я был вот уже полгода. И если нужно было бы оха-

рактизовать этот отрезок одним предложением, оно было бы чем-то вроде: «Насколько хорошо и полезно учиться келоту, настолько же плохо и бесполезно служить в Легионе». В этом отношении последний оказался совсем не таким, каким можно было его себе представить. Мне еще повезло, что я попал во взвод Киото.

К нам с Миком никто не лез – посмотрел бы я на них! – но ко всем другим, кто не был частью сильной компании, – неизменно. Я этого от легиона не ожидал. О какой сплоченной команде может идти речь, если большинство окружающих тебя людей тебе, мягко говоря, глубоко не симпатичны?

Правда, капралы не уставали напоминать, что по прошествии года обучения полк превратится в не более чем четыре роты регулярных войск. Все неподходящие должны будут отсеяться... Но все равно. Мнение мое уже было сформировано.

Еще больше мне не понравилось исполнять приказы. Я этого не ожидал, но так случилось. Я понимаю, когда это во время войны, только так войско может действовать четко, но сейчас... Наверное, по-другому добиться дисциплины невозможно...

Черт, видимо все это было просто не для меня. Однозначность – во всем и всегда. Правила ради правил. Выполнение приказов: не ради высшей цели, не для победы на врагом, а просто.

Наверное... наверное мне, как и многим, действительно

хотелось не служить, а драться с кем-то и во имя чего-то. Наверное, это было чем-то детским, несбыточным. Армия оказалось предназначенной для чего-то другого.

В общем, не нравилось мне здесь. Если бы не келото...

В этот день я с радостью остался в одиночестве. Даже Мик унесся куда-то. После выходного сержант всегда увеличивал нагрузки, и я был очень доволен, что мне никто не сможет помешать...

– Кай!!! – меня слегка оглушило. – Быстрее! Вставай! Надо успеть первыми, пока никто не узнал!

– Я сплю...

– Да какой... какой сплю? – ему не хватило воздуха, и стало чуть тише. К сожалению, ненадолго. – Какой спать, когда бежать надо!

Спрятав голову под подушку, я твердо решил его игнорировать. Если бы это было что-то действительно серьезное, он объяснил бы сразу, а так... Рано или поздно его запал кончится, и, оставшись, наконец, в одиночестве, я смогу немного расслабиться...

Я полетел на пол. Реакция была запоздалой и позволила мне только не упасть на спину. Но ведь от друга-то я подвоха не ожидал!

– Ты обалдел?!

– Это ты обалдел! – крикнул в ответ Мик. – Если мы не воспользуемся такой возможностью, мы будем двумя худшими в мире идиотами!

Он выглядел очень решительно и возбужден был до крайности. Плакал мой отдых горячими слезами.

– Ну, чего ты от меня хочешь? – я вздохнул.

– Каркулта!!! – для большего эффекта он всплеснул руками.

Я был озадачен.

– Ну, и кто она?

– Кто? – по крайней мере, он перестал кричать.

– Каркулта твоя.

Он замотал головой. Н-да... волосы у него были даже чересчур золотыми.

– Сам ты «она», – голос был немного обиженным. – Каркулта – это он. ТОТ САМЫЙ, – глаза у него были круглые, как щиты... ну или как что-то другое... тоже очень круглое. – Понимаешь?

– Нет.

– Ты никогда о нем не слышал?

В голосе было столько недоверия, что, казалось, он говорит, по меньшей мере, о знании и незнании своего собственного имени. Или воинского устава, как сказал бы наш ротный.

– Сказал же.

Недоверие в его взгляде не пропало, но объяснить он все-таки решил.

– Каркулта – это самый знаменитый, талантливый, непревзойденный предсказатель всего Термилиона. Нет, всей Та-

каронии. Не мог ты о нем не слышать. Он ведь... он... пронзит взглядом грядущее...

Не сдержавшись, я захохотал. Ну и вид же был у него!

– И ты веришь в этот бред? – спросил я. – В предсказания судьбы?

– А ты нет?

– Нисколько. Невозможно узнать, что случится в будущем, – уж в чем в чем, а в этом я был уверен.

– Да? А как же то, что ты сам говорил? Что можешь предугадать, какой противник нанесет следующий удар? Да я и сам видел...

– Это совершенно другое! Я не вижу будущего, даже самого близкого. Если бы ты слушал сержанта Киото, то знал бы, что келото позволяет ощутить только то, что существует на самом деле. Пусть это будет даже только тень мысли или намерение, или даже хлипкий пол в старом здании, но только что-то реальное.

– Я бы слушал его внимательнее, если бы после «разминки» стук моего сердца не заглушал все в радиусе километра. Но ведь тогда тем более, – он не собирался сдаваться, – это и имеется в виду. Предсказание – это не магия и не что-либо подобное, это нечто принципиально иное. И Каркулта лучший в этом деле... – Он вдруг замолчал. На его лице появилось задумчивое выражение. – А знаешь что? Давай пари. Если предсказатель произведет на тебя впечатление, то я выиграл. Если нет, то... так уж и быть, неверие и скепти-

цизм победили.

– Хорошо, – просто согласился я, – полузолотой. Согласен?

Мгновение он колебался, но скоро ударил меня по руке.

– Тогда бежим быстрее, – он вскочил в нетерпении, – к вечеру там будет очередь длиной в километр. Вряд ли он задержится здесь дольше, чем на пару недель.

Заплатив привычную, непомерно высокую пошлину на входе в Алеман, я сразу же вспомнил, что «предсказатель» наверняка тоже не бессребреник. Я забеспокоился, что уплата пошлины покажется мне щедрым подаянием.

– Мик, а ты подумал о том, сколько эта благодать будет стоить? Тут парой медяков не отделаешься.

– За кого ты меня принимаешь? Все предусмотрено. Я нашел покупателей на те клинки. Ну, когда мы Леринга выручили. Так что сможем заплатить.

Мы делали уже четвертый или пятый поворот, и улицы были мне совсем не знакомы, но Мик шел быстро и уверенно, явно не в первый раз.

– Если он такой «великий прорицатель», то зачем сюда приехал? Может, ему приходится каждую неделю переезжать, потому что его за шарлатана считают?

– Дурак ты, Кай. Вот если бы он и вправду шарлатаном был, то тогда точно из столицы ни ногой. Предсказывал бы богатым дамочкам большую и красивую любовь в сле-

дующем месяце. А он вместо этого переезжает постоянно по всей Такаронии. Совершенствует свои умения с разными людьми.

– А как ты вообще узнал, что он сюда приехал? – спросил я. Все равно своей версии я доверял больше.

– Можешь считать это моей врожденной способностью, – туманно ответил он, – я вот тоже не понимаю, как ты...

Чего Мик не может понять, так и осталось для меня секретом. Я сделал два резких шага и прыгнул вправо, поперек дороги. Лошади и карета прошумели за спиной.

– Зря ты посреди дороги игра... – я замолчал.

Мальчишки, которого я только что вытащил из-под лошадиных копыт, уже не было рядом. Н-да, мог бы хоть спасибо сказать, прежде чем удирать.

– Вот же неблагодарный, – пробормотал я, когда подошел Мик.

– Я бы на твоём месте ещё монеты по карманам проверил, – ухмыльнулся он.

– Скоро дойдем? – я решил сменить тему.

– Так вот она, башня, – Мик указал рукой на здание в двадцати метрах впереди. – Пойдем?

– Пошли, – проворчал я.

У меня и так-то настроение было не из лучших, а теперь и вовсе стало никакое. Сейчас посмотрим, кто кому нагадает.

Двери не было, только темный проем в каменной стене. Мы вошли.

– Оба? – вопрос послышался мгновенно. Только через десяток секунд удалось определить источник звука. Среднего возраста женщина сидела за единственным в помещении столом. На последнем лежала большая старая книга и горела одинокая свеча.

– Да, – первым опомнился Мик. Сказано было почти шепотом. Атмосфера здесь к этому располагала.

– Два полужолотых, – все так же ровно и бесстрастно. Наверняка часть антуража.

Мик отдал ей золотой. К моему глубокому удовлетворению, явно скрепя сердце.

– Второй этаж.

– По одному?

– Все равно.

Мы пошли вместе. Лестница была очень хорошая. Не скрипела и практически не отвечала стуком на шаги. Любой шорох одежды или громкий вздох казался чуждым этому месту, спокойному, тихому и самую малость таинственному.

Может, этот предсказатель и был шарлатан, но шарлатан явно профессиональный. Можно даже сказать, талантливый. Вроде бы ничего такого, а у кого-нибудь другого на моем месте наверняка бы уже мурашки по спине побежали.

Лестница упиралась в дверь. Мик постучал.

– Входите, – этот голос был более человеческим: с нотками чего-то похожего на ожидание и даже слегка певучий.

Мик толкнул дверь первым, я вошел за ним. Комнатка

оказалось маленькой, всего три на четыре метра, но не лишенной некоторого уюта.

Тяжелый – мне показалось, что вовсе каменный – и низкий стол, кресло, стоявшее к нам боком впритык к задней стене, и прямо перед входом пара удобных стульев. О входе нужно сказать отдельно, потому что было их не один, как можно представить, а целых четыре – по одному в каждой стене. Освещение давал небольшой световой шар под самым потолком. Свет был почти по-домашнему приятен и казался очень теплым. Если бы не двери, уют был бы полным, а так – он оставался немного настораживающим.

– Садитесь.

Каркулта оказался значительно моложе, чем я мог предположить. Крепкая фигура, молодое лицо, даже красивое, одежда простая на вид, но явно тщательно подобранная. На взгляд я дал бы ему лет сорок или сорок пять. Он сидел в кресле лицом к нам, из-за этого ему, судя по всему, приходилось уметься на его краешке, но самого предсказателя это, кажется, не волновало. На лице была легкая улыбка и предвкушение чего-то невыразимо занимательного. Несмотря на мое предвзятое отношение, личность, на первый взгляд, симпатичная.

Мы сели. Некоторое время он рассматривал нас, мы – его.

– Э-э... здравствуйте, – первым не выдержал Мик.

Каркулта, улыбнувшись, кивнул.

– Насколько я понял, никаких секретов у вас друг от друга

нет. Да и что я могу вам такого рассказать, чего бы вы о себе сами не знали, так ведь?

Вопрос хоть и был риторическим, но предназначался видимо мне. Хитринка в глазах предсказателя показалась мне чуть глубже, чем представлялось сначала. Хотя... любой шарлатан должен быть в первую очередь обаятельным.

– Думаю, – продолжал Каркулта, – ты, – он посмотрел на Мика. – Что бы ты хотел узнать?

– Я? Ну...

– Понятно. К сожалению, на этот вопрос редко удастся ответить хоть сколько-нибудь точно...

Зря он надеется, что произвел на меня впечатление, я тоже понял, про что Мик хотел спросить.

– ...чаще дело решает случай, – хотя бы в самом начале. Твой случай еще не случился. Твоя дорога мелькает где-то далеко впереди, хотя направление уже выбрано, – он бросил хитрый взгляд в мою сторону. – Путь только начинает приобретать очертания, и кто-нибудь другой на моем месте только развел бы руками, но... На то я и сижу здесь, чтобы вопрос не остался без ответа.

Он опустил руку под стол, и через секунду на столе появилась колода карт с коричневыми рубашками. Немного потрепанных и чуть большего размера, чем те, которыми играют в «очко».

– Мы всегда можем спросить у карт. Банально, не правда ли?

Нет, что-то с ним все-таки не в порядке: то ли с голосом, то ли со взглядом. Заставляет он меня не то чтобы верить ему, а скорее верить в то, что он может оказаться прав. Мужик был явно талантлив. Что бы ни значило это его имя, оно ему шло.

Заданный вопрос не был конкретен, я решил пока молчать.

– Бери карту, – произнес Каркулта.

– А перемешать? – удивился Мик.

– Не беспокойся, я уже перемешал, – с каждой секундой он улыбался шире. – Бери.

Мик немного опешил от такого откровенного признания в подтасовке результатов, но руку к колоде протянул. Секунду помедлил и вытащил карту, вторую сверху. Каркулта перевернул ее.

– Дорога, – произнес он, но я и сам понял. Краски были по большей части выцветшие, но рисунок от этого казался только реальней. Не картинка, а маленькое окошко.

– И что это значит? – кажется, Мик был немного разочарован.

– Не спеши. Еще одну карту. Сдвинешь?

– Надо?

– Как хочешь.

Мик разделил колоду надвое и поменял половинки местами. Снова взял вторую сверху.

– Опять Дорога?

– Этих карт много в колоде.

– И что значат две подряд?

– Ничего особенного, но можешь мне поверить – знак хороший, – ухмыльнулся Каркулта.

Он себя со всеми так ведет, или это одним нам такая радость?

– Наличие движения увеличивает точность предсказания...

– Это другая карта, – неожиданно для себя самого произнес я. Вторая карта действительно показалась мне не в точности такой, как первая. Хотя уловить отличие никак не получалось.

Улыбка предсказателя стала совсем ослепительной.

– Каждая карта означает что-то свое. Ты заметил, в чем отличие?

Я помотал головой.

– Ничего, разберемся.

Каркулта положил на стол вторую колоду – значительно толще первой.

– Еще карту, пожалуйста...

На этот раз Мик взял первую попавшуюся. Сначала возбужденный, теперь он выглядел немного нервным. Кажется, сеанс нравился ему все меньше.

– Нож, – прокомментировал Каркулта следующую картинку. Его улыбка стала чуть уже. – Может иметь очень много значений, но это нормально и гораздо лучше, чем полу-

чить Пустую Карту. С каждой перевернутой картой повышается и риск – ошибиться в ее толковании, зато предсказание будет иметь большую силу. Ты не против, если я немного помогу?

Мик явно не был против. Мне даже показалось, что, предложи ему предсказатель взять карту самому, друг бы отказался.

– Мик, с тобой все в порядке? – он выглядел не очень хорошо.

– Нормально... голова немного заболела...

– Не волнуйтесь. Судьба – тяжелая ноша, но предсказания – только ее далекое эхо. Надо просто подышать свежим воздухом. Последняя ваша карта... – как и обещал, он вытянул ее сам, – ...Черное Облако.

Каркулта сразу же вернул карту в стопку, как и все предыдущие. Еще мгновение – и обе колоды спрятались туда же, откуда появились.

– Что ж, – предсказатель посмотрел на Мика, – ты встретишь ее – скорее рано, чем поздно. Как сможешь узнать? Не думаю, что, когда над твоей головой будет проплывать Черное Облако, рядом с тобой вообще будет много людей, тем более симпатичных девушек.

– Что такое Черное Облако? – спросил я.

– Не более чем фигура речи, – снова улыбнулся Каркулта, – для каждого свое. Смертельно? Опять же все зависит от человека. Ну, и от способности притягивать неприятно-

сти... Предсказание не предполагает, что ты получишь все ответы прямо сейчас. Оно поможет почувствовать момент... а вот тебе, приятель, действительно лучше пойти воздухом подышать.

– Да, Мик, иди себе чего-нибудь сладенького купи, а то я и представить не мог, что у тебя может быть такая кислая рожа.

Он вышел, и надо же – даже не огрызнулся.

– Что с ним такое? – спросил я.

– Карты скажут только то, что ты должен знать. Но чтобы понять, чего достоин, они должны испытать тебя. Очень немногие в состоянии перевернуть хотя бы одну карту. Можно сказать, что сегодня у меня удачный день – два клиента, и обоим почти не надо помогать. И, что еще важнее – обоим есть что сказать. В большинстве случаев человек не бывает сколько-нибудь значительным. Вот вы ведь мне не верите?

Последнее было неожиданно.

– Вы имеете в виду предсказание судьбы? – я ответил вопросом на вопрос.

– А вы и в Судьбу не верите? – он сделал то же.

– Не знаю. Никогда не задумывался об этом. А что вы имеете в виду под «судьбой»?

Каркулта смотрел на меня предельно внимательно. Я чувствовал бы себя спокойней, если бы он хоть изредка моргал.

– Ну, если говорить очень коротко, то наличие Судьбы подразумевает наличие у настоящего вектора. Вы ведь знае-

те, что значит это слово?

Я и вправду знал. Ирвин рассказывал.

– А если признать, что Судьбы не существует, то тогда и будущего не существует, и прошлого...

– Кто знает? Может, всего этого действительно нет. Ведь никто никогда не бывал ни в прошлом, ни в будущем.

Вроде бы приунывшая улыбка на губах предсказателя засверкала с новой силой.

– На самом деле существование Судьбы – научно доказанный факт.

Не сдержавшись, я тоже улыбнулся.

– Именно так, – Каркулта заметил мое настроение и неожиданно сам стал серьезным. – Настоящее – это огромный костер, с пылающими внутри разными огнями – жизнями разумных. Он неотделим от времени и движется под руку с ним. Костер – это мы. Его огонь – наша Сила. Его тепло – наши чувства. Его свет – наши намерения и память.

Настоящее – это мощь. Настолько великая, что каждое мгновение меняет не только будущее, но и прошлое. Любой стоящий маг прекрасно осведомлен об этом, – вот только видит любой маг только то, что существует сейчас. Никто из них не Видит, не может отличить искру, которая погаснет в следующее мгновение, от той, которая через столетие заставит полыхать целый Мир. Никто из них не в состоянии увидеть, как пересекаются в бесконечности две половинки одного целого, заставляя гореть ярче...

– А вы... можете? – я почувствовал, что в горле пересохло. Ну дает мужик...

– Редко. Здесь мало зависит от меня.

– А от кого?

– Судьба, – опять улыбка, на этот раз печальная. – Есть еще один спор на этот счет. Существует ли помимо Судьбы, которую осознанно и неосознанно творит каждый разумный, еще и Предопределенность? Судьба – это путь от одного перекрестка до следующего. Способность Видеть Судьбу – это всего лишь способность знать, когда человек получит возможность изменить путь. Предопределенность же... Искренне надеюсь, что второе – это просто когда ты оказался слабее первого. Берите карту.

Я вздрогнул. Как он меняет тему! Резко.

Опустив глаза, я вздрогнул еще раз. На столе лежала колода. Когда он успел?

– Я помогу, – сказал Каркулта. Он коснулся колоды сбоку. Она превратилась в две поменьше. Всего несколько карт в левой стопке, и все остальные в правой. – Левая колода – прошлое, правая – будущее. Ты можешь взять... думаю, семь штук в общей сложности. Как ты считаешь?

– Да... – действительно, семь будет в самый раз.

– Бери, – в его голосе вновь появилось нетерпение.

– Справа или слева?

– Как хочешь, – видимо, это его любимая фраза.

Было приятно осознать, что в будущем у меня namного

больше, чем в прошлом. Но хотел бы я знать что-нибудь о своем будущем? И повлияет ли на меня как-либо это знание? Последний вопрос я задал вслух.

– Скажем так: оно может серьезно сэкономить время.

Я коснулся амулета на груди. Это не укрылось от внимания предсказателя, но он промолчал. У меня было несколько вопросов к левой колоде. Я взял карту.

На картинке был нарисован скелет. Каркулта хихикнул.

– Забавно. Скелет – символ прошлого. Масло масленое получается. Но что выйдет, если маслу добавить еще масла?

– Больше масла, – недоуменно ответил я.

– Абсолютно верно, – он был очень рад моей догадке. – Прошрое в прошлом может означать только одно – далекое прошлое.

Мне это мало о чем говорило. Далекое прошлое? Я же ничего не знал о своих родителях. Рука снова потянулась к левой колоде. От карты кольнуло неожиданной прохладой.

– Красный Меч, – показалось, что рисунок светится изнутри. – Символ кровной вражды. Боюсь, ваши предки не слишком ладили между собой.

– А моя мама?

– Вопрос задает тот, кто берет карту.

Я снова медлил. Карта казалась холодной даже на расстоянии. Но очень уж мне хотелось узнать...

– Жертва, – я смотрел на темную поломанную фигуру, она казалась очень хрупкой, почти невесомой. – Воспоминания

часто хранят боль. Но нельзя забывать, что судьба не лишает выбора. Тем более когда мы говорим о прошлом, которое именно в прошлом и должно оставаться.

– Но кто это сделал?

– У тебя есть еще четыре карты, – я потянулся к карте, последней в левой колоде, – шестнадцать лет слишком мало, чтобы так цепляться за прошлое...

Кажется, он меня предупреждал... Не обращая внимания на холод, я перевернул карту.

– Знак Ночи...

Эта карта не была покрыта черной краской. Я уже вообще стал сомневаться, что таинственный художник вообще пользовался красками, создавая эти карты. Мраку не хватало совсем чуть-чуть, чтобы выплеснуться наружу. Мне показалось, что я почти заметил там что-то... Каркулта перевернул карту.

– Таких карт всего две в колоде. И это одна из немногих карт, объяснить и понять которую может только тот, для кого она предназначена. Это карта для вас. Впрочем, как и любая другая. Человек влияет на свою судьбу, а не она на него.

– Почему вы переходите на «вы»? – решил спросить я.

– Не знаю. Считайте, что я просто перестраховываюсь. У вас все еще есть правая колода, – напомнил он.

– Я не хочу знать своего будущего, – в этом я был уверен, а еще в том, что мне больше не хочется прикасаться к картам, – мне не хочется ущемлять своего выбора...

– Однажды, – он посмотрел прямо на меня, – а скорее всего не единожды, когда ты окажешься на перепутье тысячи дорог или в самом начале одного-единственного нового пути, что на самом деле одно и то же... И никто не будет толкать тебя в спину, и никого не будет впереди, и ветер стихнет, окружать тебя будет молчание, и чаши весов будут находиться в равновесии, – только тогда ты поймешь истинную цену настоящего Выбора. Ты замрешь в ожидании подсказки – любой, пусть даже самой незначительной. И каждое мгновение будет дорого, как никогда, и смерть будет смотреть у тебя из-за плеча... Тогда ты поймешь, насколько страшен настоящий Выбор. Перекресток – сам по себе испытание, – а что, если каждое из ответвлений выглядит одинаково?

– Но ведь любая подсказка, даже самая маленькая, неизбежно повлияет на мое решение...

– Будущее не откроется, – перебил меня Каркулта, – его не существует. Есть только дальние отголоски настоящего – Судьба.

– И я сэкономлю время?

– Иногда не хватает всего лишь мгновения. Гораздо легче принимать решение, когда ты знаешь, когда это делать. На самом деле момент может почувствовать каждый. Не все умеют слушать, – теперь он не улыбался. Станный тип. Сначала я подумал – он просто фанат своего дела. Теперь он был даже слишком невозмутим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.